Свящ. К. Прокопьевъ.

БРАКЪ У ЧУВАШЪ.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета
1903

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь Общества *Н. Горталовъ*.

Оттискъ изъ Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 1903 г. т. XIX.

БРАКЪ У ЧУВАШЪ.

Въ разное время и разными лицами написано не мало статей и замѣтокъ о бракѣ чувашъ. Краткія замѣтки по этому вопросу находятся въ этнографическихъ трудахъ исторіографа Миллера [1]), академиковъ Палласа, Георги, Рычкова и Лепехина [2]). Но эти замѣтки весьма кратки, неполны, при томъ—въ нихъ немало ошибокъ и неточностей. Это вполнѣ понятно: указанные ученые пробыли въ Казанскомъ краѣ сравнительно не долго; языка мѣстныхъ инородцевъ они не понимали, поэтому знакомились съ бытомъ инородцевъ черезъ толмачей; нѣкоторые изъ нихъ сами лично не были даже ни въ одномъ инородческомъ селеніи и свои замѣтки писали на основаніи разсказовъ разныхъ служилыхъ людей г. Казани. Болѣе подробныя описанія чувашскаго брака находимъ въ этнографическихъ трудахъ и замѣткахъ, от-

---

[1]) Возвращаясь въ 1743 г. изъ ученаго путешествія по Сибири, онъ остановился въ Казани, собралъ нѣсколько свѣдѣній объ инородцахъ здѣшней губерніи и составилъ сочиненіе „Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ“.

[2]) Въ 1768—1773 гг. по повелѣнію Императрицы Екатерины II многіе изъ членовъ Академіи Наукъ были отправлены въ ученое путешествіе для описанія Россіи. Изъ нихъ названные выше академики посѣтили и описали между прочимъ и Казанскій край. Они благосклонно удостоили своего вниманія и чувашъ.

носящихся къ прошлому вѣку, именно: у г-жи А. А. Фуксъ [1]), у В. Сбоева [2]), у Прот. В. П. Вишневскаго [3]), у г. Нурминскаго [4]), у священника Н. Каменскаго [5]), у В. К. Магнитскаго [6]), у свящ. Гр. Львова [7]). Во всѣхъ указанныхъ трудахъ, за исключеніемъ статьи г. Магнитскаго (въ Каз. Губ. Вѣд.), чувашскій бракъ описывается только со стороны обрядовой, и то часто съ ошибками, и почти не затрогиваются вопросы юридическаго (правового) характера, какъ-то: о возрастѣ брачущихся, о родствѣ, о правахъ мужа и жены и др. При томъ, всѣ указанные авторы, говоря о бракѣ чувашъ, имѣли въ виду чувашъ только Казанской губ., преимущественно Чебоксарскаго и Ядринскаго уѣздовъ, и совершенно не касаются чувашъ другихъ губорній. Между тѣмъ, насколько можно судить по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ [8]), брачный ритуалъ въ наиболѣе полной формѣ сохранился у чувашъ Симбирской губ. Поэтому, кажется, не лишня и не безъинтересна будетъ для желающихъ познакомиться съ бытомъ и положеніемъ инородцевъ наша попытка описанія и изслѣдованія брака чувашъ.

---

[1]) Записки о Чувашахъ; стр. 26—71; также въ сборн. „Этнографія и статистика Каз. Губ.“ 1834 г., стр. 162—170, 211—212.

[2]) Изслѣдованіе объ инород. Каз. губ. Казань, 1856 г., стр. 26—40; 75—76; 81, 158—162.

[3]) О религ. повѣрьяхъ чувашъ, стр. 20—25.

[4]) „Инор. приходы.“ Прав. Обозр. 1863 г., ноябрь.

[5]) Соврем. остат. языч. и проч. Казань, 1879 г., стр. 26—29.

[6]) „Очеркъ юридич. быта чувашъ“. Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., №№ 85—89, 93; его же „Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры., стр. 200—218.

[7]) „Языч. браки чув.“ Извѣст. по Каз. еп. 1898 г. № 10.

[8]) Осенью 1901 г. нами были разосланы вопросные пункты относительно брака чувашъ къ знакомымъ инородческимъ священникамъ разныхъ губерній, на которые и получены отвѣты отъ слѣдующихъ священниковъ: с. Шемурши, Симбир. г.. Ф. И. Иванова; с. Новыхъ Алгашей, Симб. г., В.

Форма заключенія брака. Брачный ритуалъ у чувашъ бываетъ полный и неполный. Первый—когда чувашинъ женитъ сына „çураçса“, т. е. по предварительному *согласію и договору* съ невѣстой и ея родителями. Второй—когда чувашинъ женитъ сына „вăрласа“, т. е. *похищая* невѣсту. Въ послѣднемъ случаѣ свадебный ритуалъ совершается наскоро, съ значительными сокращеніями. Опишемъ первый, предварительно замѣтивъ, что брачный ритуалъ совершается у чувашъ одинаково какъ у язычниковъ, такъ и у христіанъ.

Сватовство. Чувашская молодежь знакомится другъ съ другомъ чаще всего въ хороводахъ, которые начинаются недѣли за три до Троицы и продолжаются до „Семика“ [1]), а мѣстами до сѣнокоса. Для знакомства съ молодежью чужихъ деревень служатъ „посидѣнки“ [2]), катанья съ горъ, куда выходятъ и пріѣхавшія изъ чужихъ деревень на посидѣнки дѣвушки (ларма хĕрсем), и базары. „Едва-ли кто такъ любитъ посѣщать базары, какъ чуваши; нерѣдко они ѣздятъ на нихъ ни для чего болѣе, какъ, по ироническому выраженію русскихъ, „базаръ дѣлать“, и не отказываютъ въ этомъ удовольствіи обоего пола молодежи, гдѣ послѣдняя и знакомится для будущихъ супружескихъ связей“ [3]). Поэтому нисколько не удивительно, что самъ женихъ у чувашъ на сватовство не ѣздитъ. Родители, задумавшіе женить сына, спрашиваютъ его, есть-ли у него на примѣтѣ невѣста, и въ большинствѣ слу-

---

Д. Дмитріева; с. Табурданова, Каз. г., В. Е. Ефремова; с. Стюхина, Самар. г., А С. Михайлова. Многое о бракѣ чувашъ извѣстно пишущему эти строки, какъ природному чувашину, изъ личныхъ наблюденій и разспросовъ чувашъ разныхъ мѣстностей.

[1]) Праздникъ, начинающійся въ четвергъ предъ Троицей.

[2]) Чуваш. дѣвушки очень любятъ ѣздить зимою къ родственникамъ съ пряжей на посидѣнки.

[3]) Магнитскій, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 86.

чаевъ получаютъ утвердительный отвѣтъ. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта родители сами указываютъ ему невѣсту въ своей или въ одной изъ сосѣднихъ деревень, послѣ чего начинается сватовство. Родители ѣдутъ въ ту деревню, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у родственника или знакомаго, котораго намѣтили выбрать „сватуномъ" (йевдё), ходатаемъ или посредникомъ въ дѣлѣ сватовства. Узнавъ о цѣли ихъ пріѣзда, сватунъ отправляется къ родителямъ невѣсты. Начинается бесѣда. Сначала идетъ рѣчь о посторонних предметахъ, потомъ постепенно и незамѣтно сватунъ сообщаетъ родителямъ невѣсты о цѣли своего прихода. Невѣста, смекнувъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же уходитъ или въ клѣть (лѣтомъ), или къ сосѣдямъ (зимой). Разспросивъ о состояніи родителей жениха, о ихъ роднѣ, родители невѣсты, если найдутъ возможнымъ принять предложеніе, посылаютъ къ дочери сноху (если есть таковая въ домѣ, а если нѣтъ, идетъ сама мать) спросить, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то. Въ случаѣ полученія утвердительнаго отвѣта между сватуномъ и родителями невѣсты начинается разговоръ относительно приданаго и калыма. Калымъ—денежная плата жениха за невѣсту—бываетъ, смотря по состоянію договаривающихся сторонъ, отъ 40 до 200 руб. и болѣе и соразмѣряется съ количествомъ и качествомъ приданаго. Въ составъ приданаго входятъ: лошадь (кобыла) или, по бѣдности, жеребенокъ, корова или телка, нѣсколько штукъ овецъ, шуба, кафтанъ, перина, подушки, войлокъ, женскія туалетныя, головныя и нагрудныя принадлежности изъ бусъ и серебряныхъ монетъ, какъ-то: хушпу, тевет, алка, шелкеме и др. [1]). Всѣхъ туалетныхъ принадлежностей въ общей сложности бываетъ на сумму отъ 10 до 100 руб. и болѣе; кромѣ того выговаривается нѣсколько рубахъ и портовъ для жениха, подарки для жениховыхъ родителей, братьевъ и сестеръ, для родственни-

[1]) Подробное описаніе ихъ см. у г. Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 85.

ковъ его, на которыхъ во время свадьбы будутъ возложены тѣ или другія „должности“. Въ Казанской губ., по сообщенію г. Магнитскаго, кромѣ того выговаривается еще для жениха: шапка, кушакъ, рукавицы и лапти [1]). Общая (приблизительная) стоимость приданаго и составитъ размѣръ калыма, съ надбавкой нѣкоторой суммы на справленіе брачнаго пиршества. Кромѣ денежнаго калыма выговаривается еще съ жениха въ пользу невѣстиной стороны нѣсколько четвертей водки, немного краснаго вина (для непьющихъ водки), отъ 10 ф. до 1 п. меду. По окончаніи договора относительно калыма и приданаго, назначается день для формальнаго празднованія сватовства (çураçма). При этомъ строго наблюдается, чтобы сватовство не падало на тяжелый день, какъ-то: понедѣльникъ, среду. Иногда при этомъ совѣтуются даже съ „йомзей“ (знахарь, ворожея). Договорившись и условившись обо всемъ, сватунъ уходитъ домой, гдѣ ждутъ его родители жениха. Уходя изъ дому невѣсты, онъ оставляетъ тамъ кнутъ, почему и самый этотъ актъ брачнаго ритуала—предварительнаго сговора—называется „пушă пăрахни“—бросаніе или оставленіе кнута. Кнутъ этотъ служитъ внушительнымъ знакомъ того, что договоръ состоялся и что онъ не долженъ быть нарушенъ. Случаи нарушенія этого договора все-таки бываютъ, хотя и очень рѣдко. Въ такомъ случаѣ кнутъ возвращаютъ обратно сватуну, почему и самый разладъ дѣла обозначается терминомъ: „пушă тавăрнă“=кнутъ возвращенъ.

Ко дню, назначенному для формальнаго сватовства, родители жениха и невѣсты варятъ пиво, покупаютъ вина, пекутъ „хăпарту“ (хлѣбъ вродѣ ситнаго), припасаютъ „чигиты“ (сыръ). Въ назначенный день родители жениха, созвавши ближайшихъ родственниковъ и захвативши гостинцевъ: вина, пива, хлѣба и сыра, отправляются съ ними „сватать“ невѣсту (безъ жениха). При этомъ обращается вниманіе на то, чтобы число гостей, ѣдущихъ на сватовство, а равно и число

---

[1]) Тамъ-же.

хлѣбовъ и чигитовъ было никакъ не четное, такъ какъ женихъ и невѣста не составляютъ еще брачной *пары*. Исключеніе при этомъ дѣлается только для „йӑваҫӑ“ [1]), которыхъ берется очень много, безъ счету, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. „Предъ выѣздомъ со двора наблюдается, чѣмъ испражнятся заложенныя лошади во время сборовъ—мочей или каломъ; если первой, то поѣздъ откладывается, потому что моча предвѣщаетъ преждевременную и непремѣнную смерть жениха или невѣсты“ [2]). По сообщенію г. Миллера чуваши предъ выѣздомъ на сватовство колютъ пѣтуха: „Наипаче всего напередъ знать желаютъ, щастлива или нещастлива оная ѣзда будетъ; и того ради на дорогѣ предъ воротами колютъ пѣтуха и на землю бросаютъ. Ежели заколотый пѣтухъ не трепещется, то та ѣзда будетъ щастлива; буде-же онъ трепетаться будетъ, то они опасаются нещастія, и для того остерегаются“ [3]). „По выѣздѣ за ворота поѣзжане молятся на всѣ четыре стороны, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ (если брачущіеся—христіане); дорогой на перекресткахъ поѣздъ останавливается и бросаются мѣдныя деньги, кусочки хлѣба и сыра изъ взятыхъ въ суму (чтобы „ырӑ-хайар сарӑлтӑр“—разсѣялись злые духи), монеты и хлѣбъ бросаютъ также въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости находятся „киреметі“ (мѣста обитанія злыхъ духовъ) [4]). По пріѣздѣ въ деревню невѣсты поѣздъ останавливается у сватуна и отряжаетъ его къ родителямъ невѣсты спросить: могутъ-ли и готовы-ли они принять гостей. Тѣ отвѣчаютъ: „если Богомъ суждено вмѣстѣ намъ жить, пусть придутъ, готовы мы“. Услышавъ согласіе, гости идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ уже къ тому времени собрались ближайшіе родственники невѣсты. Послѣд-

---

[1]) „Йӑваҫӑ“—четырехугольныя и ромбовидныя печенія.

[2]) Магнитскій, Каз. Губ. В. 1868 г., № 86.

[3]) Описан. живущ. въ Казан. губ. языческ. народовъ. СПБ. 1791 г. стр. 75.

[4]) Вишневскій, стр. 24—25.

няя предъ приходомъ жениховой родни, нарядившись въ лучшее платье и дѣвичьи украшенія, уходитъ опять въ амбаръ или къ сосѣдямъ. Жениховы родители, окончательно договорившись здѣсь предъ гостями о приданомъ и калымѣ, отдаютъ тутъ же весь калымъ или часть его; въ послѣднемъ случаѣ недоданная часть калыма отдается послѣ, но непремѣнно до свадьбы. Послѣ этого родители жениха выставляютъ на столъ всѣ гостинцы, привезенные изъ дому. Тѣмъ временемъ приходитъ сюда, по приглашенію, невѣста и начинаютъ варить „хĕр шӳрпи“ (дѣвичью похлебку) непремѣнно съ яйцами, употребленіе которыхъ служитъ знакомъ пожеланія, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Похлебку варятъ не пожилыя женщины, а непремѣнно дѣвушки. Когда похлебка будетъ готова. ее наливаютъ въ блюдо и ставятъ на столъ. Дѣвушки разламываютъ (непремѣнно разламываютъ, а не разрѣзаютъ ножемъ, даже нельзя разламывать, надавливая ногтемъ) привезенные гостинцы на кусочки и кладутъ ихъ предъ гостями. Затѣмъ, пріотворивъ немножко дверь, всѣ присутствующіе встаютъ на ноги, а родители жениха и невѣсты и нѣкоторые изъ гостей берутъ въ руки по ковшу пива и кто нибудь изъ присутствующихъ, болѣе свѣдущій въ молитвословіяхъ чувашъ, начинаетъ говорить молитву, обращаясь къ двери: „эй, бесмелле, аминь! на небѣ—Богъ, на землѣ—Царь: вамъ [1]) молимся благопристойными устами, отъ чистой души и добраго сердца: да подастъ имъ (молодымъ) Господь доброе здоровье, знакомство съ добрыми людьми, да пошлетъ имъ многочадіе и долгоденствіе, чтобы дожить имъ до сѣдыхъ волосъ; да направитъ ихъ такъ, чтобы они при встрѣчѣ со старшими называли ихъ дядей, при встрѣчѣ съ младшими называли ихъ братцами, при встрѣчѣ со старухой—бабушкой, при встрѣчѣ съ дѣвушками—сестрицами“ [2])...

---

[1]) У чувашъ личность Царя окружается почти ореоломъ Божества.

[2]) „Ей, пĕсмĕлле, аминь! çӳлте—Турă, çĕрте—Патша, сире кĕл-тăватпăр лайăх ҙĕлхе-çăварпа, таса ҙунпа, ырă

Нужно замѣтить, что у чувашъ нѣтъ однообразія въ молитвахъ: одна и та же молитва въ одной и той же мѣстности употребляется съ разными варіаціями, съ сохраненіемъ лишь общаго смысла. Настоящая молитва записана въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буин. у. По совершеніи молитвы мать невѣсты по кусочку хлѣба и сыра бросаетъ на печь въ честь домового, часть пива изъ ковша выливаетъ у двери и въ очагъ, остальное уже выпиваетъ сама въ честь благополучно начатаго дѣла. Пьютъ и другіе, приговаривая: „йӳҫӗ ӗҫсе тутлӑ калаҫмалла пултӑр“ = пусть будетъ такъ, чтобы пить намъ горько, говорить сладко. Послѣ этого чинно садятся за столъ и начинается угощеніе. Въ концѣ пира невѣста раздаетъ подарки: для жениха рубаху, отцу женихову и сватуну холста на рубаху, жениховой матери—сурбанъ [1]), остальнымъ гостямъ по небольшому куску холста. Получивъ подарки, гости повязываютъ ихъ на руки повыше локтя или вѣшаютъ за кушакъ, чтобы всѣмъ было видно, и съ пѣснями возвращаются домой. Подарки они вѣшаютъ дома на видномъ мѣстѣ и показываютъ каждой посѣтительницѣ. Посѣтительницы съ интересомъ разсматриваютъ подарки и, потеревши ими губы, возвращаютъ хозяевамъ со словами: „пусть живутъ до сѣдыхъ волосъ“. По качеству подарковъ онѣ составляютъ мнѣніе о достоинствахъ невѣсты, хорошо-ли она умѣетъ ткать и шить, или нѣтъ. Такъ заканчивается второй актъ брачнаго ритуала чувашъ.

кӑмӑлпа, ырӑлӑх-сывлӑх патӑр, лайӑх ҫынпа паллашма патӑр, аҫа-пӑҫалӑ пулҫҫӑр, ватӑлса шурӑ ҫӳҫлӗ пулиҫҫен пурӑнҫҫӑр; ватӑсене курсан пиҫҫе темелле пултӑр, ҫамрӑксене курсан шӑллӑм темелле пултӑр, карҫӑка курсан асанне темелле пултӑр, ҫамрӑк хӗрсене курсан йӑмӑк темелле пултӑр“.

[1]) Сурбанъ—длинное полотенце съ красными каймами, которымъ замужнія женщины повязываютъ голову такъ аккуратно, чтобы ни пряди волосъ не видно было. Онъ не снимается даже въ самую жаркую пору, даже во время жнитва.

Въ Казанской губ., по описанію г. Магнитскаго, эти два акта—предварительный сговоръ и формальное сватовство—совершаются вмѣстѣ, въ первый же пріѣздъ [1]). Но это, очевидно, ошибка. Формальному сватовству, по нашему мнѣнію, непремѣнно долженъ предшествовать предварительный сговоръ въ такомъ или иномъ видѣ. Странно было-бы со стороны родителей жениха, если-бы они, не узнавши предварительно, принято будетъ ихъ предложеніе или нѣтъ, поѣхали къ нимъ прямо съ цѣлымъ поѣздомъ и съ гостинцами! Да и родители невѣсты должны же приготовиться заранѣе къ ихъ пріѣзду.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сватовства оба свата, отцы жениха и невѣсты, вмѣстѣ выѣзжаютъ на базаръ, взявши съ собой и жениха съ невѣстой. Родитель невѣсты покупаетъ тутъ приданое для невѣсты и разныхъ платковъ и тканей, которые должны идти въ подарокъ жениху и его роднѣ. Окончивъ покупку, сватья заходятъ въ кабакъ или на квартиру, гдѣ въ пріятной бесѣдѣ распиваютъ полштофъ водки, а женихъ съ невѣстой ходятъ въ это время по базару и знакомятся другъ съ дружкой, при чемъ женихъ угощаетъ невѣсту орѣхами и пряниками. Затѣмъ каждый ѣдетъ по своимъ домамъ. Изъ купленнаго товара невѣста со своими подругами начинаетъ шить приданое и подарки для жениховой родни. За нѣсколько дней до свадьбы родитель жениха еще разъ бываетъ у родителей невѣсты для окончательныхъ переговоровъ относительно свадьбы. Жениховъ родитель сообщаетъ будущему свату о томъ, сколько подводъ и верховыхъ будетъ у него въ свадебномъ поѣздѣ. Если женихъ и невѣста—христіане, то тутъ же назначается день вѣнчанія. Это свиданіе носитъ особое названіе: „кумулъ чалъ“—въ Казан. губ. [2]), и „пӑлҫав“—въ Симбир. г. [3]) Смыслъ и того, и другого названія намъ непонятенъ.

---

[1]) Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 86.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Рукопись свящ. с. Шемурши о. Иванова.

Въ условленный для бракосочетанія день, обыкновенно за 3—4 дня до свадьбы, иногда и за недѣлю, невѣста съ кѣмъ нибудь изъ ближайшихъ своихъ родственницъ пріѣзжаетъ въ церковь того прихода, къ которому принадлежитъ женихъ. Женихъ является въ церковь со свидѣтелями. По окончаніи вѣнчанія невѣста, ни слова не перемолвивъ съ женихомъ, ѣдетъ домой, а женихъ—въ свой домъ и не видится съ невѣстой [1]) до самой свадьбы.

По поводу этого обычая г. Сбоевъ пишетъ; „Въ настоящее время брачный поѣздъ совершается не вездѣ одинаково: индѣ бываютъ поѣзды *малый* и *большой*,—дѣленіе, которое прежде было вовсе неизвѣстно. Малый поѣздъ есть просто поѣздъ жениха и невѣсты со свидѣтелями въ церковь для бракосочетанія, поѣздъ тихій, скромный, трезвый, несопровождающійся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ—въ свой. Я думаю, что наше православное духевенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этого малаго поѣзда, замѣтивъ въ большомъ нѣкоторые слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда и таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства о своей паствѣ“ [2]). Конечно, обычай этотъ самъ по себѣ хорошъ и весьма похваленъ, въ томъ отношеніи, что чуваши пріѣзжаютъ въ церковь къ бракосочетанію въ трезвомъ и благопристойномъ видѣ. Но источникъ его происхожденія, по нашему твердому убѣжденію, нельзя видѣть въ попечительности и заботливости нашего духовенства о своей паствѣ. Объясняется это тѣмъ, что чуваши, до сихъ поръ еще сильно приверженные къ прежнимъ

[1]) Собственно, она уже жена ему, но пока не сыграна свадьба и пока она не надѣла еще на голову сурбана, она у чувашъ не считается еще женою.

[2]) Изслѣдов. объ инородцахъ, стр. 31.

языческимъ обычаямъ, не придаютъ существеннаго значенія христіанскому таинству брака и совершаютъ его заблаговременно для того, чтобы послѣ, во время свадьбы, не хлопотать и не путаться съ нимъ. По ихъ убѣжденію, пока не выполненъ еще отцами и прадѣдами установленный брачный ритуалъ и пока на голову молодой не возложенъ еще сурбанъ, молодые не могутъ вступить въ супружескія отношенія, хотя бы они были вѣнчаны. Поэтому молодая и послѣ вѣнчанія продолжаетъ пользоваться эпитетами, приличествующими только дѣвушкамъ. Наоборотъ, въ случаѣ заключенія брака черезъ похищеніе невѣсты, молодая, тотчасъ послѣ свадьбы вступаетъ въ супружескія связи съ мужемъ и живетъ въ его домѣ, хотя вѣнчаніе въ такихъ случаяхъ откладывается часто на мѣсяцъ, полгода, и даже на нѣсколько лѣтъ. И это чувашами вовсе не считается развратомъ, хотя развратъ сильно осуждается ими и встрѣчается между ними, какъ рѣдкое явленіе.

Въ Казан. губ. въ нѣкоторыхъ приходахъ бракосочетаніе бываетъ въ самый день свадьбы и молодые послѣ вѣнца со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ тотчасъ отправляются въ домъ жениха [1]).

Вернемся къ описанію брачнаго ритуала. Итакъ, день свадьбы уже назначенъ, христіанское бракосочетаніе совершено. Остается сыграть свадьбу. Свадьба у жениха и невѣсты начинается въ одинъ день, но совершаются отдѣльно и сходятся только на вторые сутки. Наканунѣ свадьбы одинъ мальчикъ или парень наряжается верхомъ для оповѣщанія родныхъ и односельчанъ о свадьбѣ. „Йихравçă“ (вѣстовой) ѣздитъ и выкрикиваетъ: „такой-то дочь выдаетъ, такой-то сына женитъ, пожалуйте на свадьбу: старые—пиво пить, молодые—свадьбу смотрѣть; всѣ, кто только въ состояніи дышать и ползать, идите свадьбу смотрѣть; „сарă“ [2]) привѣшивайте.

[1]) См. у Магнитскаго, Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 213.

[2]) Сарă—принадлежность туалета дѣвушки, привѣшивается сзади.

порты надѣвайте, а рубахи выговорены оттуда“, т. е. отъ невѣсты [1]).

Свадьба жениха. На слѣдующій день родственники жениха, приблизительно около полудня, собираются въ домъ жениха. Прежде всего въ амбарѣ совершается одѣваніе жениха. Надѣваютъ на него новое и чистое бѣлье, новый кафтанъ или халатъ, подпоясываютъ кушакомъ, на руки — большія кожаныя рукавицы, сверхъ халата на спинѣ пришиваютъ „кěрў сурпанě“ [2]), сверхъ него—„çулăк“ [3]), на голову надѣвается мѣховая шапка, а въ руки дается ременная толстая нагайка (саламат). Въ Казан. губ. на шею ему надѣваютъ еще бисерное ожерелье [4]). Въ этомъ одѣяніи женихъ остается до конца свадьбы, даже въ избѣ сидитъ онъ непремѣнно въ кафтанѣ и шапкѣ, хотя бы и въ самую жаркую пору. Нагайка дается для отогнанія злыхъ духовъ и предотвращенія всякихъ наговоровъ злыхъ людей. Когда свадебный поѣздъ ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, женихъ при въѣздѣ въ каждый домъ ударяетъ нагайкой въ ворота, въ косяки дверей при входѣ въ сѣни и въ избу, и въ подушку, на которой онъ долженъ сидѣть во время пиршества. Пока женихъ одѣвается, скрипачъ [5]) играетъ на скрипкѣ. Одновременно съ женихомъ одѣваются тутъ же разныя должностныя лица: мăн-кěрў, туй-пуçě, уртакçă. Одѣяніе ихъ простое и состоитъ въ томъ, что сверхъ кафтана они подпоясываются ку-

---

[1]) Чув. текстъ: „Çав çын хěр параĭ, çав çын ывăл авлантараĭ, аĭăр туйа: ваттисем сăра ěçме, çамрăксем-туй курма. Сăмсипе сывлан, куçěпе шăван-пырăр туй курма; сарă çакăр, йěм тăхăнăр, кěпе лерен калаçнă“.

[2]) Это—короткое полотенце, съ вытканными на концахъ весьма красивыми узорами; дарится оно для жениха невѣстой во время сватовства.

[3]) Это—трехугольный платъ съ бахромами на концѣ.

[4]) Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

[5]) Въ Каз. г. вмѣсто скрипки употребляются пузырь и гусли.

шакомъ, къ кушаку привѣшиваютъ платокъ, а уртакçă сверхъ того перевѣшиваетъ черезъ правое плечо двѣ кожаныя сумки. Обязанности указанныхъ лицъ состоятъ въ слѣдующемъ. „Мăн—кĕрў„—церемоніймейстеръ, хлопотунъ; онъ произноситъ вездѣ рѣчи или спичи (такмак). Должность эта очень хлопотливая, требующая большой опытности. Онъ долженъ быть остроуменъ, находчивъ и хорошій знатокъ свадебныхъ церемоній. „Туй—пуçĕ„—начальникъ свадебнаго поѣзда, администраторъ. Онъ надзираетъ за свадебнымъ поѣздомъ, онъ сообщаетъ всѣмъ, къ кому долженъ заѣхать поѣздъ, слѣдитъ—всѣ-ли въ поѣздѣ цѣлы и невредимы. Ѣздитъ всегда предъ поѣздомъ. Онъ не долженъ быть пьянымъ. „Уртакçă“—носильщикъ сумокъ со съѣстными припасами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ бываетъ свадебный поѣздъ, онъ беретъ со стола понемногу сыра, жаренаго и засушеннаго мяса (шăрттан) и хлѣба. Когдă поѣздъ переѣзжаетъ изъ одной деревни въ другую, начальникъ въ полѣ останавливаетъ поѣздъ и спрашиваетъ, не угодно-ли кому закусить. Желающіе и адресуются тогда къ уртакçă. Въ Казан. г. уртакçă называется „кĕçĕн—кĕрў. Кромѣ ношенія сумокъ на немъ лежитъ обязанность вести за поводъ лошадь музыканта при переѣздѣ поѣзда изъ дома въ домъ, такъ какъ музыкантъ долженъ и во время переѣздовъ, сидя верхомъ на лошади, играть на своемъ инструментѣ.

Пока женихъ одѣвается, въ избѣ всѣ гости сидятъ чинно и ждутъ. Родители жениха сидятъ за столомъ съ наполненными пивомъ ковшами. По окончаніи обряда одѣванія женихъ въ сопровожденіи „мăн—кĕрў“ и „туй—пуçĕ„ входитъ въ избу, подходитъ къ столу, дѣлаетъ земной поклонъ родителямъ и становится предъ ними на колѣни, собственно—на корточки. Отецъ благословляетъ его со словами: „дитя мое! съ нынѣшняго дня ты отдѣляешься отъ нашей постели и отъ нашего бѣлья: да пошлетъ тебѣ Богъ здоровье, многочадіе, долгоденствіе, чтобы дожить вамъ съ подругой до сѣдыхъ волосъ, при встрѣчѣ со старшими—дядей ихъ называй, при встрѣчѣ съ младшими—братцами ихъ называй; отъ зла отвра-

щайся, къ добру навстрѣчу иди" [1]). Тогда отецъ и мать жениха выпиваютъ имѣющееся въ ихъ ковшахъ пиво, наливаютъ вновь и подаютъ, здравствуясь (тав—туса), одинъ—церемонiймейстеру, а другая—начальнику поѣзда. Первому подается пиво въ совершенно новомъ ковшѣ и, подавая ему, отецъ произноситъ слѣдующiя слова; „ак сана пĕр курка, ăна йулташ тепĕр курка илсе кил"=вотъ тебѣ одинъ ковшъ, привези обратно пару ковшей. Церемонiймейстеръ выпиваетъ пиво, а ковшъ отдаетъ носильщику, который прячетъ его въ кожаную сумку. Послѣ, мы увидимъ, онъ кладетъ туда другой ковшъ, которымъ отецъ невѣсты благословляетъ свою дочь. Взявъ другой ковшъ, отецъ подноситъ въ немъ пиво жениху, носильщику и скрипачу. Затѣмъ родители встаютъ, а другiе всѣ усаживаются: на самое почетное мѣсто—церемонiймейстеръ, рядомъ съ нимъ съ правой стороны женихъ, уртакçă, музыкантъ и другiе приглашенные гости (мущины), а съ лѣвой стороны—начальникъ поѣзда съ женой, жена церемонiймейстера и жены другихъ гостей. Подаются кушанья и начинается угощенiе и веселiе, съ музыкой, пляской и пѣснями [2]). Давши немного

---

[1]) „Ей ађам! пайанхи кунтан есĕ пиртен уйрăлатăн, пирĕн ырăнтан, пирĕн кĕпе-йĕмрен уйрăлатăн; Турă сана ырăлăх-сывлăх патăр, вăрăм ĕмĕрлĕ тутăр, ађа-пăђа патăр, мăшăрпа ватăлиђђен пурăнмалла пултăр; ваттисене курсан пиђђе те, çамрăкне курсан шăллăм те; усала тӳртĕн пул, ырра хирĕç пул".

[2]) По словамъ г. Миллера, „у чувашъ есть такое обыкновенiе, что у жениха и у невѣсты на пирушкахъ ставятъ на столъ блюдо съ хлѣбами, и въ оные втыкаютъ стрѣлы, на которыя кладется головной уборъ чувашскихъ бабъ, который у нихъ Тастаръ называется. У жениха на пирушкѣ кладутъ Тастаръ матери, или сестры его, а у невѣсты тотъ Тастаръ, который и послѣ на нее, какъ на жену, надѣваютъ. На оное блюдо каждой изъ гостей новобрачнымъ кладетъ по нѣскольку копеекъ" (Описанiе живущ. въ Каз. г. языч. народовъ, стр. 72). Кажется, этотъ обычай существуетъ и теперь, хотя положительно утверждать не можемъ.

повеселиться гостямъ, отецъ жениха даетъ уртакçӑ гостинцевъ со словами: „кайа ан илсе кил., ирттерсе илсе кил“ = привези не меньше того, что получаешь, а съ избыткомъ. Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы у молодыхъ было изобиліе въ земныхъ плодахъ. Затѣмъ, указывая гостямъ на церемоніймейстера, онъ говоритъ: „вотъ вамъ распорядитель: что онъ велитъ, исполняйте, изъ его словъ не выходите“. Послѣ этого вся свадебная свита отправляется въ другой домъ, къ родственникамъ жениха, а родители остаются дома. До вечера слѣдующаго дня свита ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, не исключая родственниковъ, живущихъ и въ другихъ деревняхъ. Ночуютъ у кого-нибудь изъ родственниковъ. Женихъ, мӑн-кӗрӳ, уртакçӑ и музыкантъ, а мѣстами и дружки жениха, ѣздятъ верхомъ. Начальникъ поѣзда съ женой и другіе поѣзжане—въ телѣжкахъ. Вышедши изъ дому родителей жениха, уртакçӑ съ ведромъ пива въ рукахъ становится посреди двора и свита, сидящая на лошадяхъ, объѣзжаетъ его кругомъ. Это повторяется на улицѣ у воротъ жениха и того родственника, къ которому первому пріѣзжаетъ брачный поѣздъ. Въ каждомъ домѣ хозяинъ встрѣчаетъ поѣздъ, стоя на крыльцѣ съ ведромъ пива. Подъѣхавъ къ крыльцу, свита останавливается, церемоніймейстеръ говоритъ хозяину привѣтственную рѣчь (таӗмак), потомъ верховые всѣ дѣлаютъ кругъ на дворѣ, и опять церемоніймейстеръ говоритъ краткую рѣчь; хозяинъ подноситъ ему пива, затѣмъ всѣ гости входятъ въ избу и усаживаются въ томъ же порядкѣ, какъ въ домѣ жениха. Уѣзжая, мӑн-кӗрӳ опять говоритъ хозяину благодарственную рѣчь.

Объѣхавъ всѣхъ родныхъ жениха, вечеромъ слѣдующаго за началомъ свадьбы дня поѣздъ отправляется за невѣстой.

Пріѣхавъ въ деревню невѣсты, поѣздъ останавливается сначала у сватуна (йевҫӗ). Пока свита веселится въ домѣ сватуна, начальникъ поѣзда отправляется въ домъ невѣсты. Къ этому времени пріѣзжаютъ туда и родители жениха, захвативъ съ собою гостинцы, выговоренные во время сватов-

ства, какъ-то: вино, пиво въ боченкѣ ведеръ въ восемь [1]) и медъ. Потомъ туда же является сватунъ и спрашиваетъ у отца невѣсты: „все-ли выполнено? въ достаточной-ли степени оказана тебѣ честь?"=пур те тулли пулҫё-и? сирён ҫыс ҫитрё-и? Тотъ отвѣчаетъ: „со стороны свата чести мнѣ оказано достаточно"—(Мана хӑтаран ҫыс ҫитрё; подразумѣвается, что все выговоренное онъ получилъ). Потомъ сватунъ говоритъ: „ждете-ли и рады-ли принять свадебный поѣздъ этого свата"?=ҫав хӑтанӑн туй халӑхне хапӑл тӑватра, кётетре? Тотъ отвѣчаетъ: „по древнему обычаю ждемъ, рады принять"=авалхи йӑлапа кётетпёр, хапӑл тӑватпӑр. Тогда сватунъ отправляется къ себѣ домой и приводитъ оттуда свиту въ домъ невѣсты. Родители невѣсты ждутъ на крыльцѣ. Поѣздъ останавливается предъ ними и церемоніймейстеръ говоритъ: „сватья! не оставляете-ли вы древнихъ обычаевъ? не вводите-ли новыхъ обычаевъ? Нашъ дядя (поминаетъ имя отца жениха) сорокъ женщинъ и пятьдесятъ мущинъ привелъ на свадьбу: ни одного нѣтъ чужого, всѣ—наши братья и сестры. Ждете-ли ихъ? рады-ли принять ихъ" [2]). Тѣ отвѣчаютъ: „ждемъ, рады принять", и тотчасъ вводятъ въ избу начальника поѣзда съ женой и посаженныхъ родителей молодыхъ [3]). Вошедши въ избу, начальникъ становится посреди избы и краткой рѣчью привѣтствуетъ невѣстина отца. Тотъ подноситъ ему въ громадномъ деревянномъ ковшѣ (алтӑрпа, стакановъ на 15) пива, подслащеннаго

---

[1]) Но уже никакъ не въ *сорокъ*, какъ утверждаетъ г-жа Фуксъ. Столь почтенной величины бочекъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, никогда не бывало у чувашъ. Изслѣдованіе...., стр. 32.

[2]) „Ей хӑтаҫӑм! авалхи йӑлана пӑрахмастӑр—и? ҫёнёрен йӑла кӑлармастӑр—и? Пирён ҫав пиҫҫе хёрёх арӑм, аллӑ арҫын пуҫтарса килҫё туйа: пёри те йут мар, пурте хамӑр тӑвансем. Вёсене кётетре, хапӑл тӑватра"?

[3]) У русскихъ посаженные родители бываютъ только тогда, когда у молодыхъ не бываетъ въ живыхъ своихъ родителей, а у чувашъ они бываютъ непремѣнно, и при жизни родителей. Называютъ ихъ „хӑйматлӑх", а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—„аталӑх".

медомъ. Этотъ говоритъ ему: „нѣтъ, сватъ, этотъ ковшъ къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ“. Если онъ не догадается этого сказать, то въ наказаніе заставляютъ его выпить пиво до дна. Тогда невѣстинъ отецъ самъ сначала отвѣдаетъ пива, здравствуясь съ начальникомъ, и потомъ подноситъ ему. Когда невѣстинъ отецъ пьетъ пиво, начальникъ дѣлаетъ ему земной поклонъ. Послѣ этой церемоніи эти гости усаживаются за столъ. Между тѣмъ остальные поѣзжане все еще стоятъ у крыльца, не слѣзая съ лошадей. Невѣстинъ отецъ выходитъ опять туда съ пивомъ и спрашиваетъ: „на коняхъ-ли пріѣхали, или пѣшкомъ пришли“? Церемоніймейстеръ отвѣчаетъ: „на коняхъ мы пріѣхали: пѣшкомъ насъ не отпускайте отсюда, на коняхъ проводите“. Въ этихъ словахъ намекается на то, чтобы отецъ не отпустилъ своей дочери безъ приданаго коня. Церемоніймейстеру подносится пиво въ новомъ ковшѣ, кототорымъ отецъ благословлялъ невѣсту. Пиво онъ выпиваетъ, а ковшъ вручаетъ „уртакçӑ“, который прячетъ его въ сумку. Послѣ этого церемоніймейстеръ говоритъ хозяину: „саламаликъ! привѣтствіе вамъ! пьете-ли, ѣдите-ли? веселитесь-ли, смѣетесь-ли? вы насъ ждете-ли?“=йе саламалик, тав сире! ӗçетре, çийетре? выљатра, кулатра? есир пире кётетре? Тотъ отвѣчаетъ: „наше жданье—вотъ въ этомъ“=пирён кётни—çавӑ, т. е. чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Церемоніймейстеръ говоритъ: „тав—та пулин тавах, тата та пулин тавах“=благодаримъ васъ, благодаримъ, еще и еще благодаримъ. Послѣ этого со всѣми верховыми поѣзжанами онъ дѣлаетъ кругъ на дворѣ, опять подъѣзжаетъ къ крыльцу и повторяетъ тотъ же вопросъ и отвѣтъ. Это продѣлывается до трехъ разъ, а невѣстинъ отецъ все еще стоитъ на крыльцѣ съ пивомъ. Подъѣхавъ къ крыльцу въ третій разъ, церемоніймейстеръ произноситъ очень длинную рѣчь (такмак), въ которой въ пышныхъ поэтическихъ выраженіяхъ восхваляются богатство и добродѣтели хозяина и испрашивается у него позволеніе для свадебной свиты повеселиться въ его домѣ. Рѣчь эта въ разныхъ мѣстахъ употребляется съ разными варіаціями и важна для

этнографа и исторіографа для характеристики чувашской поэзіи и въ томъ отношеніи, что въ ней имѣются нѣкоторыя данныя, могущія пролить свѣтъ на историческое прошлое чувашскаго народа. Вотъ одинъ образчикъ такой рѣчи, записанной въ деревнѣ Три-Избы—Шемуршѣ.

«Семь дней (прошло съ тѣхъ поръ), какъ задумали выѣхать и три дня—какъ мы выѣхали. Кони наши оказались тощими, дороги оказались грязными: не поспѣли мы ко времени, не осудите вы насъ, съ повинной головой стоимъ мы передъ вами (всѣ кланяются). Шестьдесятъ верстъ ѣхали мы по дремучимъ лѣсамъ, семьдесятъ верстъ—по дикимъ степямъ. Проѣзжая шестьдесятъ верстъ дремучимъ лѣсомъ, мы встрѣтили одного оленя: концы его роговъ золотые, а концы копытъ—серебряные; рогами царапнетъ—слѣдъ проложитъ, копытами ступитъ—дорогу проложитъ. Этой дорогой ѣхали мы. Это—поѣзжане мои: не осуждаете ли вы насъ? ждете ли насъ? рады-ли намъ»? Встрѣчающій отвѣчаетъ: «ждемъ мы, рады мы вамъ». Тотъ опять продолжаетъ: «Проѣзжая семьдесятъ верстъ дикими степями, встрѣтили мы крылатаго аргамака: голова его (чуть) неба не касается, ноги его земли не касаются; идетъ-ли, бѣжитъ-ли—и не примѣтно: течетъ, какъ вода, летитъ, какъ вѣтеръ. На этомъ аргамакѣ верхомъ пріѣхали мы на эту свадьбу. Среди дикой степи—круглое озеро, по серединѣ озера—золотой столбъ, на золотомъ столбѣ—птица орелъ: ноги его мѣдныя, крылья серебряныя, клювъ золотой; ногами топаетъ, крыльями хлопаетъ, клювомъ наигрываетъ: подъ эту игру мы и пріѣхали сюда. Когда мы подъѣзжали по этой дорогѣ, деревня этихъ сватовъ нашихъ показалась намъ съ цѣлый городъ, въѣхали въ улицу—улица показалась съ цѣлое село, подъѣхали къ дому—домъ показался съ контору [1]: ворота о четырехъ столбахъ съ тремя растворами, крыша желѣзная, ворота стеклянныя, петли мѣдныя, скобки серебряныя; эти ворота въ вѣтреную погоду стучатъ, въ солнечную погоду блестятъ. Нашъ сватъ, растворивши ворота, ждетъ насъ съ великимъ радушіемъ. Когда въѣдешь въ ворота—дворъ у нашего свата очень великъ: ширина его тридцать шаговъ, длина шестьдесятъ шаговъ, на шестидесяти шагахъ шестьдесятъ столбовъ, на каждомъ столбѣ шестьдесятъ колецъ, изъ шестидесяти колецъ не уступитъ ли намъ сватъ одно кольцо, чтобы привязать намъ лошадей для отдыху: не я прошу, женихъ проситъ. Даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевельникъ (?) для отдыху. У свата нашего посреди двора шестисаженный домъ стоитъ: снаружи посмотришь—8 угловъ, внутрь войдешь—4 угла; изъ 4 угловъ не уступитъ ли нашъ хозяинъ нашимъ поѣзжанамъ хоть одинъ уголъ войти и постоять (Сватъ отвѣчаетъ: «съ нашей стороны нѣтъ запрета»). Внутри этого дома 99 половицъ и 88 лавокъ; изъ 99 половицъ не уступитъ ли намъ хоть одну,

[1]) Конторой чуваши называютъ волостное правленіе.

чтобы по древнему обычаю поплясать и повеселиться намъ? Не я это говорю, а женихъ говоритъ; не только мы играемъ, даже и въ степи по Божьему повелѣнію зарница играетъ. Изъ 88 лавокъ хоть одна лавка не будетъ-ли уступлена нашимъ поѣзжанамъ посидѣть, отдохнуть. Не я прошу, женихъ проситъ: не только мы, даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевельникъ для отдыху. Въ шестисаженномъ домѣ стоитъ у свата столъ на шести ножкахъ; на одномъ концѣ этого стола стоитъ душистый медъ, на другомъ концѣ—сладкая сыта, между душистымъ медомъ и сладкой сытой стоитъ золотое блюдо, на золотомъ блюдѣ блестящій кубокъ такъ и играетъ: не будетъ ли позволено и намъ поиграть и повеселиться, подобно этому кубку? Нашъ сватъ къ пріѣзду этого свадебнаго поѣзда сварилъ, говорятъ, пиво, варилъ его, говорятъ, въ семь пріемовъ, каждый разъ изъ семи батмановъ (солода). Въ погребѣ имѣется запечатанная бочка, бочка эта, говорятъ, съ сорока обручами и двумя жалейками: изъ одной жалейки течетъ душистый медъ, изъ другой—сладкая сыта. Выпьешь душистаго меда—пьянъ будешь, выпьешь сладкой сыты—сладкія рѣчи начнешь говорить. Къ этому пиршеству приготовлены кушанья: былъ у него семилѣтній быкъ, въ продолженіе семи лѣтъ и семь разъ не былъ онъ въ стадѣ, въ этомъ году закололи его къ свадебному столу въ честь нашего молодца. Для второго блюда у него имѣлся пятилѣтній черный баранъ, въ продолженіе пяти лѣтъ онъ и пять разъ не былъ въ стадѣ, онъ бодался и головой и задомъ, а нынѣ закололи этого барана въ честь свадьбы нашего молодца. Для третьяго блюда имѣлся у него трехлѣтній пырень, въ продолженіе трехъ лѣтъ и три раза не слеталъ на землю, все ходилъ и леталъ онъ раскрылившись по коньку на строеніи, а въ нынѣшнемъ году по Божьему опредѣленью этого пыреня сшибло съ крыши бурей, сватъ заколол и приготовилъ его къ свадебному столу. Къ тому времени, когда гости наѣдятся и напьются, имѣется у свата наготовѣ фруктовый садъ, а въ томъ саду стоитъ баня, выстроена та баня изъ можжевельника (?), крыша желѣзная, полки хрустальныя, каменка коралловая, паръ сладокъ, какъ сыта, вѣникъ изъ шелку, корыто мѣдное, ковшъ серебряный. Сватъ нашъ хочетъ, говорятъ, весь нашъ поѣздъ вымыть въ этой банѣ. Къ выходу изъ бани у свата нашего приготовлено угощеніе. Есть у него трехведерный самоваръ, стоитъ и шипитъ, какъ 12-тиголовая змѣя. Вокругъ самовара стоятъ 12 паръ чашекъ, наполненныхъ чаемъ, приготовлено это для угощенія нашихъ поѣзжанъ. Нашъ сватъ, оказывается, очень добродушенъ: у крыльца его стоитъ на привязи золотогривый, серебрянокопытый сѣро-яблочный конь, приготовленъ онъ для того, чтобы послать нарочнаго звать тѣхъ, которые не пріѣхали на свадьбу.

Довольно-ли съ тебя, сватушка? Больше этого нѣтъ у меня словъ, больше тебя нѣтъ для насъ милѣе человѣка. Если не достаточно, восполните, если лишнее, не осудите. Привѣтъ тебѣ, сватушка, кланяюсь тебѣ (кланяются). Поклонную (повинную) голову мечъ не сѣчетъ, мое слово васъ не пройметъ. Привѣтъ тебѣ и поклонъ»! (кланяется) [1]).

---

[1]) Чувашскій текстъ этой рѣчи см. въ концѣ, приложеніе № 1.

После этихъ церемоній поѣзжане слѣзаютъ съ лошадей и входятъ въ избу. Начинается угощеніе [1]). Сначала совершается молитва. Всѣ встаютъ на ноги и оборачиваются къ двери, которая немножко пріотворяется. Начальникъ поѣзда держитъ на блюдѣ жаренаго, цѣльнаго гуся, невѣстинъ отецъ—ковшъ съ пивомъ, мать—хлѣбъ. Одинъ изъ присутствующихъ говоритъ молитву: „На небѣ—Богъ, на землѣ—Царь; благодаримъ, кланяемся: дай (молодымъ) доброе здоровье и всякое благополучіе; дай этимъ сватьямъ вѣкъ дѣлиться другъ съ другомъ хлѣбомъ—солью, чтобы пить имъ горькое, говорить сладко. У гусей (у каждой гусыни) чтобы было по 12-ти гусятъ, по одному—для ястреба, по 11-ти—для хозяевъ, для угощенія родныхъ, сосѣдей и односельчанъ". По окончаніи молитвы хозяинъ подходитъ къ двери и дѣлаетъ земной поклонъ. Потомъ, подошедши къ столу, онъ предлагаетъ начальнику поѣзда разломить гуся. Тотъ, послѣ предварительнаго торжественнаго омовенія рукъ предъ всѣми гостями, разламываетъ гуся на части, но непремѣнно на нечетное число частей. Невѣстинъ отецъ говоритъ ему: „почему это ты разломилъ на нечетное число частей"? Тотъ отвѣчаетъ: „человѣкъ сначала родится *одинъ* (въ нечетномъ числѣ), потомъ дается ему отъ Бога подруга (*для пары*)" [2]). Если онъ не смекнетъ сказать это, то сватъ дергаетъ его за ухо. Въ такомъ случаѣ начальникъ для возстановленія своего поколебленнаго престижа говоритъ свату; „сватъ! безъ того не бываетъ, чтобы добрый конь не спотыкнулся, чтобы и добрый человѣкъ не ошибся" [3]). Послѣ этого начинается угощеніе и

---

[1]) Въ Ядрин. и Козмодем. уѣздахъ предъ началомъ угощенія „вĕçĕн-кĕрў" на дворѣ дѣлаетъ выстрѣлъ изъ лука. См. Каз. Губ. В. 1868, № 88.

[2]) „Турă малтан çынна *хăраххăн* çуратаĭ, унтан ăна мăшăр параĭ.

[3]) „Хăта! ырă ут такăнмасăр пулмĕ, ырă çын йăнăшмасăр пулмĕ".

веселіе. Пока гости угощаются и веселятся, уртакçӑ не забываетъ своей обязанности: онъ вынимаетъ изъ сумки съѣстные припасы, взятые изъ дому жениха, и на мѣсто ихъ кладетъ новые со стола невѣстина отца, но только въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ было взято изъ дома жениха, чтобы у молодыхъ все болѣе и болѣе пріумножалось изобиліе плодовъ земныхъ.

Все, описанное здѣсь, относится къ свадьбѣ жениха. Невѣста съ своей свитой въ это время справляетъ свою свадьбу самостоятельно.

Свадьба невѣсты. Свадьба невѣсты начинается одновременно со свадьбой жениха. Когда соберутся въ домъ невѣсты родственники и дружки ея (дѣвушки, ея подруги), невѣсту ведутъ въ амбаръ одѣвать. Въ избѣ остаются только ея родители и пожилые гости. Одѣвшись въ лучшее платье и украшенія, она сверху покрывается бѣлымъ покрываломъ съ расшитыми краями (пӗркенҫӗк) такъ, что оставляетъ только небольшое отверстіе предъ глазами. Тогда начинаютъ учить ее прощальнымъ причитаніямъ (йӗртме). Собственно, каждая дѣвушка знаетъ эти причитанія съ дѣтскаго же возраста, но въ данную минуту она не можетъ сразу начать отчасти вслѣдствіе стѣсненія, отчасти—вслѣдствіе волненія въ виду приближающейся разлуки съ родительскимъ домомъ. Одна изъ женщинъ садится рядомъ съ невѣстой подъ ея покрываломъ и начинаетъ причитаніе. Скрипачъ въ одинъ тонъ съ нею начинаетъ наигрывать то же самое на скрипкѣ. Потомъ женщина отстаетъ, а невѣста пристаетъ къ скрипачу, сначала тихо и робко, потомъ громче и смѣлѣе. Скрипачъ отстаетъ и невѣста причитаетъ одна. Сначала она поминаетъ своихъ односельчанъ, болѣе извѣстныхъ или по своему богатству, или скромностью и усердіемъ къ труду, или многочадіемъ, а потомъ—присутствующихъ тутъ зрителей. Затѣмъ невѣсту ведутъ въ избу. Родители въ ожиданіи ея сидятъ у края стола съ ковшомъ пива въ рукахъ. Дочь подходитъ къ нимъ и становится предъ ними на колѣни. Родители благослов-

ляютъ[1]) ее приблизительно съ такими же словами, съ какими благословляли жениха его родители. Дочь съ непритворными слезами говоритъ имъ: „я, видно, стала вамъ лишняя“ [2]). Тѣ отвѣчаютъ: „дитятко наше! не нами установленъ обычай этотъ, а изстари, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ идетъ этотъ порядокъ“ [3]). Затѣмъ, здравствуясь съ дочерью, пьютъ пиво, сначала сами, а потомъ подносятъ дочери. При этомъ отецъ даетъ ей немного денегъ со словами: „дитятко! денегъ много не даю тебѣ, а даю большое благословеніе: да подастъ тебѣ много Богъ“ [4]). Послѣ этого дочь съ дружками садится на нарахъ предъ печкою (тӗпелте) и начинаетъ причитывать, поминая родителей, родственниковъ, дружекъ и односельчанъ своихъ въ риѳмованныхъ стихахъ [5]). Причитываетъ она съ небольшими паузами во все время свадьбы, такъ что къ концу свадьбы совсѣмъ почти лишается голоса. Каждому, или каждой, кого она поминаетъ, подносится при этомъ ковшъ пива. Тѣ выпьютъ пиво и кладутъ въ ковшъ (хотя не всѣ) небольшую монету денегъ для невѣсты. Когда гости угостятся и повеселятся немного въ домѣ невѣсты, поѣздъ отправляется по ея роднымъ, сначала въ своей деревнѣ, а потомъ и въ другія деревни. Во всѣхъ домахъ въ качествѣ обязательнаго блюда подается похлебка (шӳрпе) съ яйцами, для того, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Изъ должностныхъ лицъ въ свитѣ невѣсты бываетъ только началь-

---

[1]) Нужно замѣтить, что при благословеніи какъ жениха, такъ и невѣсты, хотя-бы они были и христіане, не употребляется ни иконъ, ни крестнаго знамени.

[2]) „Епӗ сиртен ытлашши пултӑм пулӗ“.

[3]) „Ей аҭам! пиртен тухнӑ йӑла мар, авалтан ваттисем кӑларнӑ йӗрке-çке“.

[4]) „Аҭам! сана укçа нумай памастӑп, пиллӗх нумай паратӑп; Турӑ сана нумай патӑр.

[5]) Одинъ образчикъ такой пѣсни или причитанія, записанной въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. г., см. прилож. № 2 (чувашскій текстъ) и № 3 (русскій переводъ).

никъ поѣзда, который руководитъ и надзираетъ за свитой и, кромѣ того, носитъ подушку, на которой сидитъ невѣста. Ѣздитъ невѣста съ дружками въ кибиткѣ на тройкѣ, но не сидя, а стоя, прислонившись къ верху кибитки [1]). Съ начала свадьбы до конца невѣста не дѣлаетъ ни шагу пѣшкомъ: изъ избы до кибитки и обратно вездѣ носитъ ее кто-нибудь изъ мущинъ ея свиты.

Объѣхавъ всѣхъ своихъ родственниковъ, вечеромъ слѣдующаго дня невѣста со свитой возвращается въ свою деревню и останавливается у кого-нибудь изъ родныхъ. Въ это время женихъ со своей свитой сидитъ уже въ домѣ невѣсты. Дружки невѣсты отправляются туда „дразнить“ жениха. Дѣлается это такимъ образомъ. Одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ ведро пива, а хозяйка того дома, гдѣ остановилась невѣста, беретъ хлѣбъ на блюдѣ, на хлѣбъ кладется сыръ, сверхъ хлѣба и сыра—рубаха, предназначенная жениху, и невѣстинъ сурбанъ съ платкомъ, Начинается процессія: впереди идетъ человѣкъ съ ведромъ, за нимъ—хозяйка съ блюдомъ, а за ними уже—дружки. Вышедши на средину двора, человѣкъ съ пивомъ ставитъ ведро на землю, а самъ становится около него на одно колѣно, а дружки въ предшествіи женщины съ блюдомъ три раза обходятъ его (по солнцу) съ пѣснями, хлопая въ ладоши и приплясывая. То же самое продѣлывается у воротъ того дома и на дворѣ невѣстина отца. Вошедши въ избу, ведро и блюдо ставятъ на столѣ предъ женихомъ. Дружки, хлопая въ ладоши, начинаютъ пѣть предъ нимъ пѣсни риѳмованными стихами, всячески унижая жениха и восхваляя невѣсту [2]). Потомъ уходятъ всѣ къ невѣстѣ. Немного погодя опять приходятъ такимъ же образомъ и дразнятъ жениха. Это дѣлается до трехъ разъ. Вернувшись

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губ. невѣста ѣздитъ верхомъ на лошади въ сѣдлѣ.

[2]) Образчикъ такой пѣсни, записанной въ деревнѣ Три-Избы-Шемуршѣ, Симб. г., см. прилож. №№ 4 и 5.

къ невѣстѣ въ послѣдній разъ, дружки начинаютъ одѣвать невѣсту „бабой“. Снимаютъ съ нея всѣ принадлежности дѣвичьяго туалета и надѣваютъ на нее сурбанъ и хушпу вмѣсто тухйа. Съ этого времени она уже становится женой, бабой, а до этого времени она считалась еще дѣвушкой, хотя-бы даже христіанское бракосочетаніе было совершено надъ ней съ недѣлю тому назадъ или совершится много времени спустя послѣ свадьбы, какъ это бываетъ при „краденыхъ срадьбахъ“. Тогда везутъ *молодую* въ кибиткѣ въ домъ отца. По пріѣздѣ туда кибитка останавливается у крыльца. Молодой (уже не женихъ) съ своей свитой выходитъ встрѣчать свою жену. Дружки молодой, стоя въ кибиткѣ, поютъ пѣсни и требуютъ себѣ отъ молодого денегъ, „выкупа“ за невѣсту, приговаривая, что менѣе сорока копѣекъ онѣ не примутъ, такъ какъ „хӗр ҫумӗ укҫи хӗрӗх пус“=плата дружкамъ—сорокъ копѣекъ. Молодой нарочно ломается и предлагаетъ меньше, напр. 5 коп. Тогда дружки, крайне обидѣвшись такою скупостью молодого, моментально поворачиваютъ оглобли назадъ и уѣзжаютъ съ молодой вонъ со двора. Вернувшись черезъ нѣсколько времени, онѣ опять начинаютъ требовать отъ молодого выкупа. Тотъ предлагаетъ уже немного больше, но опять не 40 коп. Опять дружки увозятъ молодую. И такъ—до трехъ разъ. Въ третій разъ, опять немного поломавшись, молодой соглашается и отдаетъ требуемый выкупъ. Тогда дружки допускаютъ его къ кибиткѣ. Молодой подходитъ къ своей женѣ и три раза цѣлуется съ ней подъ ея покрываломъ. Подъ покрываломъ же они три раза обмѣниваются кольцами. Потомъ, взявши другъ дружку за руки, они направляются въ избу. При этомъ строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь въ сутолокѣ нечаянно не очутился между ними, что служитъ нехорошимъ предзнаменованіемъ. Въ сѣняхъ молодые останавливаются. Здѣсь ждетъ ихъ церемоніймейстеръ съ пивомъ. Молодой беретъ ковшъ пива и пьетъ, поздоровавшись съ женою, но непремѣнно называя ее по имени. То же самое дѣлаетъ потомъ и молодая. Собственно, эта церемонія и дѣлается только для того,

чтобы молодые привыкли звать другъ дружку по имени. Если здѣсь не осмѣлятся они назвать другъ дружку по имени, то, значитъ, всю жизнь не будутъ они называть другъ дружку по имени и жизнь ихъ будетъ нехорошая. Но молодые въ данный моментъ крайне стѣсняются и долго не рѣшаются назвать имя супруга или супруги, особенно это трудно для молодой. Только послѣ долгихъ и усиленныхъ настаиваній она рѣшается назвать имя супруга. Встарину, говорятъ, дѣлалось даже такъ, что въ случаѣ, если молодая не будетъ называть по имени, мужъ уводилъ ее въ лѣсъ, заводилъ въ чащу и самъ быстро и незамѣтно убѣгалъ въ сторону и скрывался. Жена, натерпѣвшись страху, начинала умолять мужа откликнуться, но тотъ откликался только тогда, когда она назоветъ его по имени. Теперь дѣло до этого уже не доходитъ. Продѣлавъ ету церемонію, молодые входятъ въ избу, къ столу, гдѣ родители того и другой сидятъ съ пивомъ въ рукахъ, и становятся предъ ними на колѣни. Родители даютъ имъ благословеніе и наставленіе. Послѣ этого молодой садится за столъ въ передній ѵголъ, а молодая тоже за столъ, но предъ печкой, съ женщинами. Начинается шумное веселье. Дружки молодой пляшутъ и дразнятъ гостей жениха, приговаривая, что онѣ не отдадутъ и не уступятъ имъ своей подруги, а эти говорятъ, что „сколько-де вы не пѣтушитесь, а всетаки мы увеземъ вашу подругу". Свита молодой и молодого стараются перещеголять и превзойти другъ дружку въ удальствѣ, въ пѣсняхъ и пляскахъ. Скрипачи съ той и другой стороны также вступаютъ въ споръ. Сидя рядомъ, они изо всей мочи пилятъ каждый на своей скрипкѣ, стараясь перещеголять другъ предъ другомъ. Часто пускаются даже на хитрости и на нечестныя средства. Лицо, нарочно подговоренное которымъ нибудь изъ скрипачей, беретъ у другого скрипача скрипку, яко-бы посмотрѣть, поворачиваетъ ее на рукахъ и нахваливаетъ, а самъ въ это время незамѣтно смажетъ скрипку саломъ. Послѣ того она начинаетъ уже издавать глухіе звуки. Иногда прибѣгаютъ даже для порчи скрипки къ помощи осо-

быхъ колдуновъ (асамçăсем, ăрăмçăсем). Къ утру выводятъ молодого въ амбаръ, гдѣ молодая собственноручно надѣваетъ на него рубаху своей работы, въ присутствіи зрителей. Когда молодые входятъ въ избу, всѣмъ гостямъ подается горячее кушанье (йашка). Послѣ этого кушанья родители молодого отправляются домой, чтобы приготовиться тамъ ко встрѣчѣ новобрачныхъ. Остальная свита молодого тоже начинаетъ готовиться къ отъѣзду. Начальникъ поѣзда нагружаетъ на телѣгу приданое, при чемъ даетъ за него дружкамъ выкупъ. Затѣмъ молодой со всей своей свитой выжидаетъ и останавливается въ ожиданіи жены за околицей деревни, а если невѣста одной съ нимъ деревни, то—на улицѣ у двора невѣсты. Молодая между тѣмъ прощается дома съ своими подругами и родными и потомъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, тоже выѣзжаетъ туда же въ кибиткѣ подъ покрываломъ. Прибывши туда, она въ кибиткѣ три раза объѣзжаетъ поѣздъ мужа. Затѣмъ мужъ со своимъ поѣздомъ три раза объѣзжаетъ кибитку жены и въ послѣдній разъ, остановившись около нея и распахнувъ ея покрывало, зорко смотритъ ей въ лицо, а потомъ трижды довольно плотно ударяетъ ее нагайкою. Это есть символическое дѣйствіе, выражающее ту мысль, что мужъ будетъ глядѣть въ глаза своей жены, т. е. любить ее, но за непослушаніе будетъ взыскивать съ нея строго, какъ ея господинъ и повелитель; кромѣ того, чтобы она забыла свою родину и привыкла къ его. Послѣ этой церемоніи нареченный отецъ молодыхъ (хăйматлăх) беретъ молодую и сажаетъ въ свою кибитку, и свита молодого ѣдетъ въ его деревню, а невѣстина свита возвращается домой.

Въ Казанской губ. передача или выводъ молодой дѣлается въ ея же домѣ: невѣста стоитъ за занавѣсью, начальникъ женихова поѣзда начинаетъ пробираться за занавѣсь къ невѣстѣ, окруженной подругами, но послѣднія пытаются не выдавать ея. Начальникъ, схвативъ которую-либо изъ нихъ, выводитъ на середину избы и начинаетъ съ ней плясать; во вре-

мя паѳоса кидается снова къ невѣстѣ и, выхвативъ ее, передаетъ въ руки „хыйматлыха". Послѣдній беретъ невѣсту въ охапку, скорѣе сажаетъ ее въ сѣдло на лошадь и поѣздъ жениха тотчасъ же трогается въ путь. За околицей тоже продѣлывается церемонія „проучиванія" молодой нагайкой [1]).

Пріѣхавъ въ домъ молодого, кибитка „хыйматлыха" съ молодой останавливается у крыльца. Молодой подводитъ къ кибиткѣ обротанную лошадь. Онъ беретъ полой кафтана поводъ лошади и передаетъ молодой, эта принимаетъ его черезъ полу покрывала, стоя въ кибиткѣ. Такимъ образомъ они до трехъ разъ передаютъ другъ другу поводъ лошади. Потомъ молодой поворачиваетъ лошадь по солнцу, бросаетъ поводъ ей на спину и съ кѣмъ нибудь отсылаетъ ее въ конюшню. Обрядъ этотъ называется „тайанђӑк тыттарни" и служитъ символическимъ указаніемъ на то, что съ этого времени имущество новобрачныхъ становится ихъ общей собственностью [2]). Затѣмъ одна дѣвушка, сестра или родственница новобрачнаго, вскакиваетъ въ кибитку и три раза чуть-чуть приподнимаетъ правую ногу молодой. Это дѣлается, по словамъ Доброхотова, для того, чтобы хорошо родились у новобрачной ленъ и конопель [3]). Обрядъ этотъ носитъ названіе „йӑран тӑпӑлтарни". Послѣ этого молодую вносятъ въ избу и сажаютъ на нары передъ печкой (тӗпеле). Сидитъ она здѣсь молча, безъ причитаній. Дѣвушки начинаютъ варить салму [4]). Когда салма сварится, ее ставятъ въ блюдѣ на столъ. Между тѣмъ ново-

---

[1]) См. у Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

[2]) Въ Ядрин. у. до совершенія этого обряда, какъ только кибитка подъѣдетъ къ крыльцу, молодой, какъ разсказывали мнѣ чуваши, дѣлаетъ *выстрѣлъ* изъ ружья надъ головой своей жены.

[3]) Магнитскій, Матеріалы къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 212.

[4]) Салма—національное кушанье чувашъ и татаръ. Это—галушки изъ муки, варятся въ водѣ съ приправами.

брачные становятся предъ печкой. Молодая, все еще находящаяся подъ покрываломъ, дѣлаетъ печкѣ низкій поклонъ, привѣтствуя въ ней будущее поприще главнѣйшихъ своихъ занятій. Затѣмъ начинается церемоніалъ снятія съ молодой покрывала. Одинъ мальчикъ, братъ или родственникъ новобрачнаго [1]), беретъ въ руки яблоновую трехъ—зубчатую палочку [2]) съ салминкой (галушкой) на каждомъ сучечкѣ, и съ нею при музыкѣ, при единогласномъ всѣхъ гостей гайканьѣ и хлопаньѣ въ ладоши, подходитъ къ молодой и дотрогивается этой палочкой до ея покрывала, приговаривая: „невѣстка! хочешь-ли салмы? ты поѣла бы, да я не дамъ!“ [3]) Повторяется эта церемонія въ другой разъ; наконецъ, въ третій разъ, зацѣпивъ покрывало палочкой, стаскиваетъ его съ молодой и уходитъ съ нимъ въ амбаръ. Оттуда приноситъ онъ горсть муки и посыпаетъ ею новобрачныхъ, говоря: „живите до тѣхъ поръ, пока не будете бѣлы (сѣдые), какъ эта мука“ [4]). Тогда новобрачныхъ сажаютъ за столъ и покрываютъ ихъ головы войлокомъ; каждый изъ гостей подходитъ къ столу, на которомъ стоитъ блюдо съ салмой, и, почерпнувъ полную ложку салмы, да чуть прихлебнувъ, бросаетъ остальное на головы новобрачныхъ [5]). Этотъ довольно странный обычай существуетъ, вѣроятно, только въ Казан. губ. Въ Симбир. губ. намъ не приходилось слышать про этотъ обычай. Здѣсь молодые, стоя около печки,

---

[1]) „А *не дружка*, какъ говоритъ А. А. Фуксъ“, замѣчаетъ г. Сбоевъ (Изслѣд., стр. 36). Но дружкой жениха бываютъ у чувашъ и родственники, даже преимущественно, т. ч. это замѣчаніе г. Сбоева противъ г-жи Фуксъ—напрасное.

[2]) У А. А. Фуксъ эта вѣтка превратилась въ *палку саженной* величины (Зап. о чуваш., стр. 66).—Да такой палкой, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, пляшущій и бѣснующійся родственникъ новобрачнаго могъ и молодой, и многимъ изъ гостей выколоть глаза. Изслѣдованія...., стр. 36.

[3]) „Инке! салма çийетне? есĕ çийĕн те, епĕ памăп“.

[4]) „Çак çăвăх пек шураличçен пурăнăр“.

[5]) Сбоевъ. Изслѣдованія..., стр. 37.

покрываются войлокомъ, когда ихъ посыпаютъ мукой.—Затѣмъ слѣдуетъ новая церемонія. На молодую надѣваютъ мужнину шапку и ведутъ ее за водой. Подошедъ къ рѣчкѣ или ключу, она кланяется (рѣчкѣ или ключу). Золовка ея (а если ея нѣтъ, то ближайшая родственница мужа), почерпнувши воды, ставитъ ведро на землю, а молодая, толкнувъ его ногою, проливаетъ воду. Въ другой и третій разъ—также. Наконецъ, въ четвертый разъ она уже не проливаетъ, а беретъ ведро и несетъ его въ домъ мужа [1]). Это—первая работа ея въ домѣ мужа. Часть принесенной воды идетъ на варку „йашки“, а часть—на угощеніе гостей. Пока варится йашка и пока другую часть воды подносятъ гостямъ, молодая стоитъ около печки, присѣдая на одномъ колѣнѣ и приставивъ ладонь къ рукѣ. Въ это время свекоръ и свекровь ея сидятъ за столомъ съ ковшомъ пива и, благословляя сноху, говорятъ: „невѣстушка наша! пусть будетъ на тебѣ благословеніе наше! будьте, дѣти наши, хозяевами этого дома“! [2]) Всѣ присутствующіе тоже спѣшатъ высказать ей свои благожеланія, чтобы Господь благословилъ ихъ (молодыхъ) лошадьми, коровами, овцами, курами, гусями и т. д. Послѣ этого молодыхъ отводятъ въ амбаръ на брачное ложе (хёве хупаççё) и, продѣлавъ тамъ еще кое-какія церемоніи, оставляютъ ихъ однихъ. Пробывъ тамъ нѣсколько часовъ (а если ихъ отвели къ брачному ложу

---

[1]) Эта церемонія въ различныхъ мѣстахъ дѣлается различно. Мѣстами молодая проливаетъ воду *три* раза, а мѣстами—только *два* раза. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *золовка черпаетъ* воду, а молодая проливаетъ, а въ другихъ мѣстахъ—наоборотъ: *молодая черпаетъ*, а золовка проливаетъ. Не зная объ этой разницѣ, г. Сбоевъ (Изслѣд., стр. 37) дѣлаетъ слѣдующее, въ данномъ случаѣ несправедливое замѣчаніе: „У А. А. Фуксъ все это разсказано превратно. Гдѣ у нея стоитъ: *молодая*, тамъ читай *золовка*, а гдѣ—*золовка*, тамъ читай *молодая*“.

[2]) „Ей кинёмёр! пехил сана: çак кил хуçи пулăр, аçамăрсем“!

вечеромъ, то до утра), молодые выходятъ изъ амбара и идутъ къ гостямъ. „Ежели невѣста сохранна, то пьютъ и веселятся весьма много; буде же не сохранна, то дружка, взявши чарку, проверчиваетъ на оной диру, и зажавши оную пальцомъ изъ оной гостямъ подноситъ: тогда питье, кто оное изъ гостей приметъ, изъ той чарки потечетъ на полъ, и тѣмъ приключившееся нещастіе каждому явно бываетъ. Невѣстѣ при томъ такъ стыдно бываетъ, что она потомъ гостямъ и глазъ своихъ не кажетъ; однакожъ мужъ за то ей ни чего не дѣлаетъ, но сноситъ равнодушно“ [1]). Обычай этотъ мѣстами сохранился у чувашъ, кажется, и до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ на существованіе его среди чувашъ Казан. губ. указываетъ г. Магнитскій. Молодая несетъ съ собой подарки и одѣляетъ ими родителей своего мужа и его родственниковъ. Этимъ мы оканчиваемъ описаніе свадебнаго ритуала чувашъ. Пирушки продолжаются еще нѣсколько дней. Молодые дѣлаютъ визиты родственникамъ, а равно и сватья мѣняются взаимно визитами.

„Краденыя свадьбы“. Скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „краденыхъ свадьбахъ“ или о бракахъ, устрояемыхъ черезъ похищеніе невѣстъ. Обычай устраивать браки черезъ насильственное умыканіе невѣстъ не есть исключительно чувашскій обычай, но присущъ многимъ и другимъ народамъ, находящимся на болѣе или менѣе низкомъ уровнѣ культурности. Сохранились историческія свидѣтельства о существояніи этого обычая у грековъ, римлянъ, германцевъ, кельтовъ, славянъ [2]). Обычай этотъ существуетъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и до настоящаго времени, напр.

---

[1]) Миллеръ. Описан. живущ. въ Каз. губ. языч. нар., стр. 77. На существованіе у чувашъ этого обычая указываетъ и Георги. См. его кн. „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“. Спб. 1799 г., ч. I, стр. 37—38.

[2]) И. Ст. Бердниковъ. Форма заключ. брака у европ. нар. Казань, 1887, стр. 6.

у черногорцевъ и болгаръ [1]). Съ развитіемъ у извѣстнаго народа и племени соціальныхъ формъ жизни и умыканіе невѣстъ получаетъ болѣе мирную форму, производится съ косвеннаго или прямого согласія невѣстъ и родственниковъ и представляетъ собою скорѣе обрядъ, чѣмъ дѣйствительное похищеніе. Съ характеромъ обряда умычка невѣстъ существуетъ и доселѣ въ Босніи, Герцоговинѣ, Болгаріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр. въ Тверской, Пермской, Архангельской, Енисейской губерніяхъ и у Селенгинскихъ бурятъ въ Забайкальской области [2]). Съ такимъ же характеромъ *обряда* практикуется умыканіе невѣстъ при „краденыхъ свадьбахъ" у чувашъ. Выше мы видѣли, что женитьба „çураçса", т. е. по предварительному сговору сторонъ и съ соблюденіемъ полнаго брачнаго ритуала, стоитъ и жениховой, и невѣстиной сторонѣ громадныхъ расходовъ и хлопотъ, поэтому эта форма заключенія брака доступна только для зажиточныхъ чувашъ. А, между тѣмъ, каждому нужна въ домашнемъ быту помощница и подруга жизни. Что тутъ дѣлать? какъ пособить горю? Отвѣтъ простъ: *украсть* невѣсту, устроить бракъ черезъ похищеніе невѣсты. Такіе браки практикуются чувашами съ незапамятныхъ временъ. Къ нимъ прибѣгаютъ чуваши не только по экономическимъ разсчетамъ, но и по другимъ мотивамъ, и потому самая форма устроенія „краденыхъ свадебъ" неодинакова.

Въ большинствѣ случаевъ такіе браки совершаются у чувашъ черезъ *кражу невѣсты по ея согласію*. Женихъ, облюбовавъ дѣвушку, упрашиваетъ ее выйти за него замужъ и, въ видахъ уменьшенія калыма и избѣжанія большихъ свадебныхъ расходовъ, уговариваетъ ее позволить ему украсть ее. Получивши ея согласіе, онъ условливается съ ней, когда и гдѣ схватить и увезти ее. При этомъ невѣста вручаетъ ему, въ знакъ прочности даннаго ею слова, сурбанъ. Въ условлен-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid, стр. 8 и 9; сн. Кроль, Брачное право инор. селен. окр., стр. 3—4.

ное время женихъ впрягаетъ пару хорошихъ лошадей, беретъ двоихъ—троихъ молодцовъ и поджидаетъ невѣсту въ указанномъ мѣстѣ. Какъ только она явится, ее схватываютъ, кладутъ въ телѣгу, при чемъ невѣста нарочно, для виду, кричитъ благимъ матомъ и барахтается. Везутъ ее куда-нибудь непремѣнно въ другую деревню къ родственникамъ или знакомымъ. Здѣсь въ амбарѣ наскоро совершается обрядъ одѣванія невѣсты и пріученія ея причитаніямъ [1]), потомъ вносятъ ее въ избу и начинается пиршество, само собой разумѣется—далеко не такое шумное, какъ бываетъ при полной свадьбѣ. Невѣста дѣлаетъ причитанія. Женихъ и самъ присутствуетъ здѣсь. Побывъ здѣсь три—четыре часа, поѣздъ прямо отправляется въ домъ жениха и въ тотъ же день доканчиваетъ свадьбу. Ни дружекъ и другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ хайматлыха (нареченнаго отца), ни торжественныхъ рѣчей здѣсь не бываетъ. Обряды: передачи повода ло-

---

[1]) Это дало поводъ о. Львову сдѣлать слѣдующее, по нашему убѣжденію, несправедливое замѣчаніе: „Изъ амбара выходятъ они (женихъ и невѣста) уже мужемъ и женою. Нѣтъ никакого обряда, нѣтъ ничего такого, что могло-бы служить знакомъ брачнаго соединенія мужа съ женой, кромѣ соитія. Самый процессъ кражи невѣсты есть нѣчто священное для чувашъ, замѣняющее всю обрядовую сторону брака. Жена безъ стыда, съ спокойной совѣстію, возвращается домой и входитъ въ домъ родителей мужа на правахъ законной жены, а родители мужа такъ же спокойно принимаютъ ее въ домъ, представляя ей всѣ права молодой хозяйки» (Извѣст. по Каз. еп. 1898 г., № 10, стр. 407). Смѣемъ увѣрить о. Львова, что въ случаяхъ устроенія брака черезъ умыканіе невѣсты по *ея согласію* женихъ и невѣста никогда не позволятъ себѣ вступить въ супружескія связи въ амбарѣ *до совершенія свадебнаго ритуала*, ни общественное мнѣніе чувашъ не одобритъ и не позволитъ имъ этого. Насильственное нарушеніе дѣвства невѣсты въ амбарѣ *до свадьбы* бываетъ, но только не въ этомъ случаѣ, а только тогда, когда устраивается краденая свадьба насильственной умычкой невѣсты, помимо ея согласія. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

шади съ рукъ на руки, подниманія ноги молодой, благословенія молодыхъ, снятія покрывала съ молодой, посыпанія мукой и хожденія на воду,—соблюдаются, хотя совершаются наскоро. По окончаніи свадьбы торжественно провожаютъ молодыхъ въ амбаръ на брачное ложе. На другой или на третій день заявляется отецъ невѣсты и начинаетъ „журить" дочь, иногда даже съ потасовкой, за то, что она осмѣлилась уйти безъ воли родителей. Дочь поплачетъ немного и говоритъ въ свое оправданіе, что ее увезли насильно, что-де она кричала и отбивалась, но никто не явился на помощь; въ концѣ прибавляетъ, что дѣло-де уже сдѣлано и назадъ къ отцу она уже не пойдетъ. Отецъ начинаетъ ломаться, что-де онъ не отдастъ ея вещей и что-де они все-таки не обойдутся безъ его воли, такъ какъ онъ не выдастъ имъ обыска, т. е. предбрачныхъ свѣдѣній. Но дѣло кончается тѣмъ, что онъ тутъ же или спустя нѣсколько дней или недѣль сдается на извѣстныя условія, при чемъ количество калыма сильно понижается. Но часто случается такъ, что отецъ невѣсты напуститъ на себя амбицію и не ѣдетъ вслѣдъ за дочерью, все равно-де не обойдутся безъ него, сами-же пріѣдутъ и поклонятся. Въ такомъ случаѣ женихъ или отецъ его самъ ѣдетъ къ отцу невѣсты и вступаетъ въ переговоры относительно калыма. Пока идутъ эти переговоры, молодые продолжаютъ жить на полныхъ правахъ мужа и жены безъ церковнаго благословенія. Священникъ вызываетъ жениха или отца его на „проборку", но получается одинъ отвѣтъ: рады-бы, батюшка, вѣнчаться, да отецъ (невѣсты) не даетъ обыска; вѣнчай безъ обыска, тогда и денегъ тебѣ дамъ больше положеннаго". Но, конечно, едва-ли кто изъ священниковъ согласится на такое предложеніе, хотя въ недалекомъ прошломъ, когда чуваши боялись какъ огня кляузъ и сутяжничества, нерѣдко бывали случаи, когда священники за приличный гонораръ (отъ 15 до 40 руб.) вѣнчали „краденыя свадьбы" и безъ согласія родителей невѣсты. Эти времена, кажется, уже миновали. Теперь священникъ волей—неволей вынужденъ бываетъ

отложить вѣнчаніе до тѣхъ поръ, пока сватья не придутъ къ соглашенію. Вслѣдствіе этого сплошь и рядомъ молодые живутъ безъ вѣнчанія по нѣскольку мѣсяцевъ, даже по нѣскольку лѣтъ. Когда я поступилъ въ приходъ, въ моемъ приходѣ было 21 пара невѣнчанныхъ, изъ нихъ 6—7 паръ проживвшихъ болѣе года безъ вѣнчанія; у троихъ были даже дѣти. Духовенство по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья борется съ этимъ непригляднымъ явленіемъ въ жизни чувашъ; но сила вѣковаго языческаго обычая такъ велика, что чуваши никакъ не могутъ отвыкнуть отъ него. Тѣмъ болѣе, этотъ обычай имѣетъ тѣсную связь съ бытовыми обычаями чувашъ, основанными главнымъ образомъ на матеріальныхъ интересахъ.

Краденыя свадьбы устраиваются иногда не только съ согласія невѣсты, но и съ вѣдома ея родителей. Женихъ, облюбовавъ извѣстную дѣвушку, черезъ кого-нибудь наводитъ справку, согласны ея родители выдать за него дочь или нѣтъ. Если получится утвердительный отвѣтъ и если будущіе сватья не желаютъ входить въ излишніе расходы по свадьбѣ, то отцы жениха и невѣсты гдѣ-нибудь наединѣ условливаются о „кражѣ“ невѣсты. Конечно, это дѣлается безъ вѣдома родственниковъ, иначе пришлось-бы устроить бракъ съ полной свадьбой. Затѣмъ, въ условленный день происходитъ фиктивное похищеніе невѣсты и свадьба вышеуказаннымъ порядкомъ. При чемъ, во время поимки невѣста тоже дается не безъ того, чтобы не покричать и не побарахтаться. На другой или на третій день отецъ ея заявляется яко бы съ претензіей, но тутъ же дѣло улаживается и завершается попойкой „до безсмертія“. Въ такихъ случаяхъ браковѣнчаніе не откладывается надолго. Только въ нѣкоторыхъ приходахъ сами священники задерживаютъ вѣнчаніе, требуя съ отца жениха недоданную ругу и другія недоимки, или требуя за самую свадьбу гонорара больше положеннаго, въ наказаніе-де за то, что молодые позволили себѣ вступить въ супружескія связи до вѣнчанія, что закономъ возбраняется.

Устраиваются у чувашъ иногда, хотя и рѣдко, браки черезъ дѣйствительное и *насильственное похищеніе* невѣсты.

Употребивъ всѣ усилія уговорить облюбованную дѣвушку и безуспѣшно, женихъ рѣшается украсть ее насильно. Составляется планъ кражи. Узнавши чрезъ какую нибудь пособницу—дѣвушку или женщину—о мѣстѣ и времени, гдѣ удобнѣе схватить невѣсту, женихъ въ указанномъ мѣстѣ подкарауливаетъ ее съ двумя—тремя молодцами. Какъ только она покажется, схватываютъ и тащатъ къ телѣгѣ. Какъ бы несчастная дѣвушка (насильно похищаютъ въ большинствѣ случаевъ дѣвушку сироту или дочь бѣдныхъ, смирныхъ и робкихъ родителей) ни кричала и ни билась, все равно помощи ей ждать не откуда, потому что всякая украденная невѣста, по обычаю чувашъ, должна кричать и биться. Поэтому всякій, встрѣчающійся съ похитителями, не обращаетъ особеннаго вниманія на крикъ дѣвушки. Иногда, впрочемъ, въ видахъ предосторожности похитители накрываютъ ротъ дѣвушки подушкой до выѣзда изъ деревни, чтобы не слыхать было ея крика. Когда привезутъ дѣвушку въ какую-нибудь деревню къ родственнику или знакомому жениха, то запираютъ ее съ женихомъ въ амбаръ, и здѣсь уже совершается полнѣйшее насиліе надъ беззащитной дѣвушкой, чтобы вынудить у нея согласіе на бракъ. Бываютъ при этомъ и такіе случаи, что если самъ женихъ не изъ удалыхъ и если ему не удалось побороть дѣвушку въ амбарѣ, то онъ впускаетъ вмѣсто себя одного болѣе удалаго изъ сопровождающихъ его молодцовъ. Такимъ-то образомъ вынуждаютъ у невѣсты согласіе на бракъ. Потомъ обычно совершается свадьба и, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, христіанское бракосочетаніе. Но бываетъ и такъ, что не могутъ вынудить у невѣсты согласія на бракъ. Въ то время, когда въ амбарѣ женихъ или подставленное имъ лицо старается совершить надъ ней насиліе, она такъ ущипнетъ его за ova, что тотъ съ визгомъ отскакиваетъ отъ нея. Въ такомъ случаѣ везутъ ее въ какую-нибудь другую деревню и бросаютъ ее, измученную и обезсиленную, на улицѣ. Жаловаться въ такихъ случаяхъ судебной власти не принято у чувашъ.

Теперь коснемся вопросовъ, имѣющихъ юридическій характеръ.

Возрастъ. Опредѣленнаго возраста для вступленія въ бракъ у чувашъ не существуетъ. Чуваши (парни) вообще женятся въ самой ранней юности, тотчасъ какъ выйдутъ имъ положенныя для того закономъ лѣта. Чувашскія красотки, напротивъ, засиживаются въ дѣвкахъ очень долго, до 28 и 30 лѣтъ. Вотъ причина: каждая изъ нихъ съ 12-ти или 13-ти лѣтъ уже болѣе или менѣе порядочная помощница и работница въ домашнемъ хозяйствѣ и полевыхъ работахъ. Отецъ и не торопится выдавать дочь замужъ. По этой же причинѣ, кому нужно женить сына, старается найти для него невѣсту не молодую, а вполнѣ зрѣлую и способную къ работѣ. „До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невѣста, пятнадцатилѣтніе мальчики сплошь-да-рядомъ женились на тридцатилѣтнихъ дульцинеяхъ [1])... Богатые чуваши женили своихъ сыновей пяти или шести лѣтъ“ [2]). По словамъ Лепехина, чуваши въ такихъ раннихъ лѣтахъ собственно *нѐ женили* своихъ сыновей, а только совершали *помолвку*. „Случается у нихъ,—пишетъ онъ,—что обрученіе или помолвка бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей. Когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтные дѣти и лѣтами и имуществомъ между собою равны, то во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите добрые люди, что мы между собою сватовья; а какъ сіе засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до взросту своихъ дѣтей. Естьли же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшій договоръ не понравится, напр.: естьли женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другого: напротивъ того, есть ли невѣстину отцу не

---

[1]) Сбоевъ. Изслѣдованія..., стр. 27.
[2]) Тамъ же, стр. 75. У Миллера стр. 67.

понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублевъ" [1]). Вѣроятно, существовалъ у чувашъ и тотъ и другой обычай, т. е. какъ женить, такъ и совершать помолвку во время малолѣтства дѣтей. „Едва-ли не это обстоятельство, замѣчаетъ г. Магнитскій по поводу женитьбы у чувашъ малолѣтнихъ сыновей, порождаетъ и нынѣ просьбы обвѣнчать въполовину, что значитъ: обрядъ бракосочетанія совершить въ желаемое просителемъ время, а въ метрикахъ записать его по наступленіи обраченному брачнаго совершеннолѣтія. Такія просьбы, какъ намъ извѣстно, нерѣдко за приличный гонораріумъ и исполняются" [2]). Чуваши—язычники и отступники—и теперь женятъ сыновей въ возрастѣ 12—18 лѣтъ. Такъ, въ дер. Среднихъ-Алгашахъ, Симбирскаго уѣзда, въ 1900 г. язычникъ Исливанъ женилъ 14 лѣтняго сына; Ишметъ женилъ сына 15 лѣтъ. Чрезъ годъ у обоихъ родились дѣти. Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ лѣтъ шесть тому назадъ чувашинъ-отступникъ Матвѣй Васильевъ женилъ сына Хамита 14 лѣтъ, съ 16-лѣтняго возраста у послѣдняго стали рождаться дѣти. Дѣдушка этого самаго Хамита женился будто 12 лѣтъ. Даже православные иногда женятся 14—15 лѣтъ. У меня въ приходѣ было два такихъ случая. Это бываетъ тогда, когда въ семьѣ не бываетъ хозяйки-работницы.

Конечно, до достиженія мужемъ 18-ти лѣтняго возраста такія пары живутъ безъ вѣнчанія (Когда я этихъ молодцовъ, пятнадцатилѣтнихъ „мужей", вызвалъ къ себѣ на увѣщаніе, то одинъ изъ нихъ заявилъ мнѣ: „ты, батюшка, не думай, что я живу съ ней, какъ съ женой; она живетъ у меня стряпкой"). Дѣти язычниковъ, родившіяся до достиженія отцомъ 18-ти лѣтняго возраста, признаются законными, на основаніи обычнаго народнаго права. Причину происхожденія обычая

---

[1]) Лепехинъ. Дневныя записки путешествія. СПБ. 1795 г., ч. I, стр. 172.

[2]) Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 87.

чувашъ женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ нѣкоторые видятъ въ снохачествѣ. Но, намъ кажется, это мнѣніе невѣрно. Во первыхъ, снохачество сильно осуждается общественнымъ мнѣніемъ чувашъ, а потому встрѣчается у нихъ, какъ явленіе весьма рѣдкое; во вторыхъ, когда чуваши женили очень малолѣтнихъ сыновей своихъ (8 и 10 лѣтъ) на взрослыхъ дѣвушкахъ, почти никогда не наблюдалось, чтобы у такой брачной пары начинали рождаться дѣти до достиженія мужемъ 15-ти, 16-ти или 17-ти лѣтъ; не можетъ быть, чтобы не рождались дѣти отъ такихъ браковъ до достиженія мужемъ половой зрѣлости, если чуваши дѣйствительно устраивали такіе браки въ видахъ снохачества. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе другихъ, объясняющихъ обычай женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ экономическими соображеніями: съ женитьбой сына въ домѣ прибавляется молодая, полная силъ, работница. Справедливость послѣдняго мнѣнія подтверждается и тѣмъ фактомъ, что чуваши даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда женятъ вполнѣ зрѣлыхъ сыновей, не берутъ за нихъ молоденькихъ невѣстъ 14—17 лѣтъ, а берутъ непремѣнно вполнѣ зрѣлыхъ невѣстъ, лѣтъ 22-хъ и болѣе.

Родство. Браки по прямой восходящей и нисходящей линіи кровнаго родства запрещаются у чувашъ (язычниковъ) безусловно. По боковымъ линіямъ кровнаго родства бракъ запрещается до 6-й степени, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 7-й степени. Такъ, не позволяется жениться: 1) на родной сестрѣ, 2) на двоюродной и троюродной сестрѣ по отцу (но на двоюродной и троюродной сестрѣ по *матери* можно жениться), на племянницѣ до троюродной включительно. Въ другихъ видахъ родства (двухкровнаго и трехкровнаго) браки допускаются въ близкихъ степеняхъ. Такъ, позволяется жениться на женѣ своего умершаго брата [1]), на свояченицѣ

[1]) Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буинскаго уѣзда, чувашина-отступника Исая Егорова сынъ Аксянъ женатъ на женѣ своего умершаго родного брата, также: язычникъ Узбекъ въ

послѣ смерти первой жены [2]), но жениться на свояченицѣ при жизни жены не позволяется, а равно не позволяется жениться двумъ братьямъ на двухъ родныхъ сестрахъ. Позволяется жениться на племянницахъ своей умершей жены [3]). При указанныхъ бракахъ дѣти отъ первой жены зовутъ мачиху, по сообщенію свящ. с. Новыхъ Алгашей, Симбир. у. о. Дмитріева, не мамой (анне), а сестрой или теткой (акка, аппа). Браки въ такихъ близкихъ степеняхъ родства допускаются у чувашъ по слѣдующимъ мотивамъ: во первыхъ—потому, что родственница-де лучше будетъ относиться къ сиротамъ, остающимся послѣ смерти первой жены; во-вторыхъ, потому, что пусть-де приданое первой жены достанется не чужому, а своему же человѣку, родственницѣ своей жены. Эти мотивы заставляютъ иногда и православныхъ чувашъ обращаться къ священнику съ просьбой повѣнчать на свояченицѣ, или племянницѣ умершей жены. Такіе факты наблюдались во

дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбирск. уѣзда; отступникъ Алексѣй Удиньгинъ въ Стюхинскомъ приходѣ, Бугурусл. у.

Г. Миллеръ (см. стр. 68 вышеук. соч.) по поводу обычая чувашъ жениться на женѣ своего умершаго брата замѣчаетъ, что у чувашъ только меньшому брату позволяется жениться на женѣ своего умершаго старшаго брата, а старшему брату не позволяется жениться на женѣ умершаго меньшого брата.

[2]) Примѣры: отпадшій Θеодоръ Архиповъ—въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ; язычникъ Селендей въ Стюхинскомъ приходѣ, Самар. губ.; язычникъ Пильмурза Пикуловъ въ дер. Уты-Камаево поле Вудаялъ, Цивильск. у.; въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбир. у., когда у язычника Хунтӳ померла замужняя дочь, онъ выдалъ за зятя другую дочь.

Миллеръ по поводу обычая чувашъ жениться на свояченицѣ замѣчаетъ, что чуваши „особливо любятъ жениться на двухъ, или на трехъ сестрахъ по одиначкѣ (стр. 68), имѣютъ къ тому особливую склонность“ (стр. 70). Этотъ обычай чувашъ былъ замѣченъ и Лепехинымъ. См. Дневн. Записки, ч. I, стр. 173.

[3]) Напр., язычникъ Ахматъ въ дер. Среднихъ Алгашахъ женатъ на родной племянницѣ своей умершей жены.

многихъ приходахъ, былъ и у меня въ приходѣ [1]). Но хорошо, если чуваши догадаются въ такихъ случаяхъ обратиться за совѣтомъ предварительно къ священнику. А то бываетъ иногда и такъ: чувашинъ—вдовецъ женится на свояченицѣ или на племянницѣ умершей жены, а потомъ уже заявляется къ священнику съ просьбой повѣнчать ихъ. Причтъ на оглашеніи спрашиваетъ, не имѣется-ли между женихомъ и невѣстой родства, возбраняющаго бракъ. Слушатели молчатъ или же отвѣчаютъ, что родства, *возбраняющаго* бракъ, не имѣется между ними, такъ какъ по понятію ихъ жениться на свояченицѣ не *возбранительно.* Причтъ спокойно вѣнчаетъ ихъ. Послѣ случайно обнаруживается ошибка, но уже поздно. Подобный случай былъ у причта села Шемурши, Буинскаго уѣзда, въ 1894 году. Браки чувашъ-язычниковъ и въ близкихъ степеняхъ родства признаются законными.

Число браковъ. По брачному праву чувашъ можно жениться сколько угодно разъ, лишь-бы въ одно время не имѣть нѣсколько женъ. Многоженство, хотя и не запрещается безусловно, считается грѣховнымъ, неприличнымъ и почти не встрѣчается среди чувашъ. Двоеженство допускается только въ случаѣ бездѣтства первой жены и въ случаѣ отсутствія сыновей отъ первой жены, и то только при томъ условіи, если первая жена изъявитъ на это свое согласіе. У татаръ-магометанъ въ случаяхъ двоеженства и многоженства главную роль въ домѣ присваиваетъ молодая жена, но у чувашъ—наоборотъ: главная роль въ домѣ остается въ такихъ случаяхъ за первой женой. Но, говоря вообще, двоеженство встрѣчается среди чувашъ очень рѣдко. Въ четырехъ языческихъ деревняхъ, о которыхъ доставили намъ свѣдѣнія, оказалось только трое двоеженцевъ. Въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. у., одинъ двоеженецъ, Туйметъ. Въ Три-Избы-Шемуршѣ, Буинск. у.,

---

[1]) Съ такой просьбой обращались ко мнѣ крестьяне села Рунги, Буинск. у., Семенъ Петровъ Шемми и Михаилъ Андреевъ Сайкинъ.

тоже одинъ, Денисъ Даниловъ, изъ отпадшихъ. По разсказамъ стариковъ, предокъ Три-Избинскихъ чувашъ Мтрикъ имѣлъ въ одно время 7 женъ, его сыновья Паргунъ и Исливанъ имѣли по двѣ жены, послѣ этого уже прошло около 200 лѣтъ и за все это время не было больше двоеженцевъ въ ихъ деревнѣ. Только теперь вотъ Денисъ Даниловъ женился на второй, и то только потому, что отъ первой жены не было у него дѣтей. Отъ второй жены у него имѣется сынъ, который обѣихъ его женъ зоветъ мамой (анне) и котораго обѣ его жены любятъ совершенно одинаково. Въ деревнѣ Уты-Камаево, Цивильскаго уѣзда, язычникъ Аксянъ Актимировъ по бездѣтности своей первой жены Элемше Шебіевой взялъ другую жену Шернессъ Ахматову, но чрезъ годъ почему-то прогналъ ее и вмѣсто нея взялъ другую, Селюкъ Ильметову. Послѣдняя родила ему сына и дочь. Но послѣ женитьбы его на Ильметовой и первая жена подарила ему сынка и дочку.

Такъ какъ крещеные чуваши и до сихъ поръ еще крѣпко держатся прежнихъ языческихъ обычаевъ, то и въ брачныхъ дѣлахъ они часто руководствуются старыми традиціонными обычаями. Такъ, послѣ смерти трехъ законныхъ женъ они часто женятся на четвертой и пятой, такъ какъ общественное мнѣніе совсѣмъ не осуждаетъ такихъ браковъ. Одинъ изъ моихъ бывшихъ прихожанъ, крестьянинъ села Рунги, Буинск. у., Илья Васильевъ былъ женатъ 6 разъ. Похоронивъ трехъ законныхъ женъ, онъ женился на четвертой, но чрезъ нѣсколько времени одинъ вдовецъ переманилъ ее отъ него и повѣнчался съ нею. Онъ женился на пятой, но ее у него опять отняли. Также и шестую. Тогда онъ явился ко мнѣ съ претензіей и горько сталъ жаловаться на своихъ обидчиковъ, при этомъ просилъ меня, чтобы я повѣнчалъ его „хоть для формы, хоть не полнымъ или не настоящимъ вѣнчаніемъ“, когда онъ найдетъ себѣ седьмую жену. Я, конечно, не только не согласился исполнить его просьбу, но побранилъ его за старые грѣшки и убѣждалъ его впредь не дѣлать такого соблазна. Мужикъ мой ушелъ отъ меня страшно недовольнымъ. Вскорѣ послѣ

этого онъ взялъ да и женилъ 15-ти лѣтняго своего сынишку, оправдываясь тѣмъ, что въ домѣ нельзя обойтись безъ женщины, а нанять стряпку онъ не въ состояніи. Нужно замѣтить, что за 4-й, 5-й и 6-й браки никто изъ моихъ прихожанъ и не думалъ осуждать Илью Васильева, и всѣ относились къ его сожительницѣ не какъ къ сожительницѣ, а какъ къ законной и полноправной женѣ его.

Разводъ. Развода въ собственномъ смыслѣ, какъ формальнаго акта, подчиненнаго извѣстнымъ правиламъ и сопряженнаго съ такой или иной обрядностію, у чувашъ-язычниковъ не существуетъ. Случаи ухода жены по несогласію съ мужемъ бываютъ, но очень и очень рѣдко. Удивляемся, замѣчаетъ о. Дмитріевъ, какъ не уходятъ у чувашъ-язычниковъ ничѣмъ не связанныя жены, тогда какъ среди православныхъ жены стали убѣгать отъ мужей довольно частенько! Это объясняется тѣмъ, что разводъ не одобряется брачнымъ правомъ чувашъ и понимается, какъ нѣчто безнравственное. Но, какъ мы выше замѣтили, случаи ухода женъ отъ мужей все-таки бываютъ, но мужья сами не могутъ прогонять женъ. Жена при уходѣ отъ мужа беретъ свое приданое, дѣтей дѣлятъ по соглашенію. По сообщенію исторіографа Миллера, у чувашъ при разводѣ супруговъ и прежде не существовало никакихъ формальностей. Недовольный своею женою чувашинъ лишалъ ее своего ложа, дѣлалъ ее своею работницей,—и вся недолга. Но по сообщенію писателей Екатерининской эпохи у чувашъ существовала будто нѣкоторая обрядность въ дѣлѣ развода. Такъ, академикъ Палласъ разсказываетъ, что „если мужъ былъ недоволенъ своею женою, то разрывалъ ея сарпанъ (головную повязку изъ длиннаго полотенца) на двѣ части; одну бралъ себѣ, а другую отдавалъ женѣ, которая вслѣдъ затѣмъ должна была оставить домъ своего мужа“ [1]). По сообщенію г. Магнитскаго, этотъ

[1]) У г. Сбоева, см. Изслѣд., стр. 81. Этотъ обычай былъ замѣченъ и Георги. См. Описаніе всѣхъ живущ. въ Рос. гос. народовъ, ч. I, стр. 38.

обычай, только съ большими подробностями, соблюдается и въ настоящее время чувашами Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. Именно, у уфимскихъ чувашъ разводъ дѣлается такъ: „мужъ и жена приглашаютъ, каждый съ своей стороны, въ посредники стариковъ для разбора обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ разводу, что называется шаригатъ. Шаригатчики до приступленія къ дѣлу рядятъ себѣ вина съ виновной стороны. Сдѣлавъ подобныя условія, они первоначально раздѣляютъ между недовольными супругами дѣтей, если они есть, и имѣніе, потомъ выводятъ супруговъ на средину улицы, ставятъ другъ къ другу спинами и связываютъ ихъ кушакомъ. Затѣмъ шаригатчики со стороны мужа становятся въ линію по правую сторону, а со стороны жены—по лѣвую и дѣлается условіе, чтобы не жить вмѣстѣ. Одинъ изъ шаригатчиковъ острымъ ножемъ перерѣзываетъ поясъ, связывавшій мужа съ женою, и недовольные супруги, въ знакъ презрѣнія, въ то самое время стараются пятами ногъ пнуть другъ друга въ задъ и бѣгутъ на рѣчку умываться, приговаривая: „какъ берега рѣки никогда не сходятся, такъ-бы и мы не сходились“. Послѣ того шаригатчики принимаются за попойку и тѣмъ разводъ не ужившихся супруговъ оканчивается и всѣ супружескія отношенія ихъ прекращаются“ [1]). Есть данныя предполагать, что подобный обычай существовалъ прежде и у чувашъ Казанской губ. Такъ, одна женщина въ дер. Масловой разсказывала, что развестись съ мужемъ можно, только на судѣ нужно въ одинъ махъ разорвать сорбанъ сперва поперекъ, а потомъ каждую половину вдоль [2]). Можетъ быть, въ прежнее время этотъ обычай былъ общепринятъ у чувашъ, но въ настояще время, насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ даннымъ, этотъ обычай неизвѣстенъ чувашамъ, кромѣ чувашъ Белебейскаго уѣзда. Нельзя также ничего положитель-

---

[1]) Магнитскій. Матеріалы, стр. 218. Это описаніе заимствовано г. Магнитскимъ изъ этнограф. очерка Меньшова.

[2]) Ibid.

наго утверждать относительно того, чисто-ли чувашскій это обычай, или онъ заимствованъ чувашами у другихъ народностей. Можно думать, что онъ заимствованъ у татаръ-мусульманъ, на что указываетъ и самое слово шаригатъ=شريعت (практическая, обрядовая часть вѣроученія мусульманъ). Но есть основаніе предполагать, что онъ заимствованъ чувашами у русскихъ. Въ старину при разводахъ разрывъ холста имѣлъ важную роль и у русскихъ. Рафаилъ Барберини въ XVI вѣкѣ описываетъ древній обрядъ развода въ Россіи, который состоялъ въ томъ, что мужъ съ женою приходили къ проточной водѣ, становились каждый на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока не разрывали, такъ что у каждаго изъ нихъ оставалось по половинѣ холстины въ рукахъ. Послѣ того мужъ и жена расходились и дѣлались совершенными свободными [1]). По словамъ о. Смѣловскаго, чуваши въ старину также отправлялись на ключъ, протягивали чрезъ него сурбанъ и, разорвавъ его на части, расходились; нынѣ, по его же словамъ, иногда супруги разрываютъ сурбанъ чрезъ порогъ клѣти [2]).

Запись. Для записи браковъ язычниковъ-чувашъ не существуетъ спеціальныхъ документальныхъ книгъ, вродѣ нашихъ метрическихъ. Прибыль и убыль въ чувашскихъ семьяхъ отмѣчается волостнымъ писаремъ или его помощниками въ „посемейномъ спискѣ“ при его провѣркѣ, которая производится одинъ разъ въ годъ. Самая запись производится просто, безъ свидѣтелей, безъ всякихъ формальностей. Время рожденія, смерти и бракосочетанія показывается приблизительно.

Семейныя отношенія. Нѣкоторыя подробности чувашскаго брачнаго ритуала, какъ то: ѣзда верхомъ, обязательное употребленіе нагайки, стрѣляніе изъ ружья или изъ лука, обрядъ якобы насильственнаго вывода невѣсты изъ ея дома,—

---

[1]) И. М. Снигиревъ. Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. II, стр. 63.

[2]) Каз. Губ. Вѣд. 1868 г. № 93.

указываютъ на то, что въ отдаленномъ прошломъ браки чувашъ всегда заключались чрезъ насильственное похищеніе невѣсты. Въ эту эпоху, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было правахъ женщины въ семьѣ: она была полной и безличной рабыней предъ мужемъ. Съ теченіемъ времени, когда чуваши стали усваивать болѣе или менѣе культурныя понятія и мирный образъ жизни, бракъ чрезъ похищеніе смѣнился у нихъ покупнымъ бракомъ: женщина уже пріобрѣталась не чрезъ похищеніе, а покупалась за извѣстную плату или калымъ. Но и тогда еще женщина, какъ купленая вещь, не могла пользоваться никакими ни личными, ни имущественными правами. Съ теченіемъ времени, когда чуваши стали усваивать взглядъ на женщину, какъ на правоспособную личность, калымъ въ брачномъ дѣлѣ потерялъ у нихъ свой первоначальный смыслъ. Въ настоящее время онъ не опредѣляетъ уже собою стоимости безличной рабы-женщины, а является скорѣе матеріальною помощью, оказываемой родными жениха роднымъ невѣсты для снаряженія ея приданаго. Весь калымъ уходитъ на это приданое, часто его даже не хватаетъ. Въ этомъ видѣ калымъ является не оскорбленіемъ личности женщины, а скорѣе—гарантіею ея личныхъ и имущественныхъ правъ. Теперь уже мужъ въ чувашской семьѣ не можетъ деспотически обращаться съ женою, какъ съ вещью или безправной рабыней. Въ такомъ случаѣ жена можетъ уйти отъ него, взявши все свое имущество: свои наряды, стоящіе не дешево, свою скотину—лошадь, корову, овецъ и птицъ, даже можетъ взять и приплодъ отъ нихъ, полученный уже въ домѣ мужа. Кромѣ того, она можетъ даже, въ случаѣ развода по винѣ мужа, предъявить искъ и на ту часть имущества, которую она, какъ равноправная рабочая единица, пріобрѣла за время совмѣстной жизни съ мужемъ. Но этими правами женщинамъ-чувашкамъ приходится пользоваться весьма рѣдко. Благодаря кроткому и миролюбивому характеру чувашъ, ихъ семейная жизнь течетъ тихо и мирно, безъ ссоръ и дракъ. Внѣшне-распрядительная власть въ семьѣ принадлежитъ отцу-хозяину, а внутренняя,

контрольно-исполнительная—матери-хозяйкѣ. На обязанности отца лежитъ изысканіе средствъ для пропитанія семьи и уплаты податей, централизація и распредѣленіе продуктовъ труда между членами семьи, а на обязанности матери—надзоръ за дѣтьми, приготовленіе для нихъ и мужа пищи, обшиваніе и обмываніе ихъ. Уходъ за скотомъ главнымъ образомъ лежитъ на обязанности отца и мужскихъ членовъ семьи. Исполненіе религіозныхъ обязанностей принадлежитъ [1] старшему члену семьи—мужчинѣ, но домашнія моленія сплошь и рядомъ совершаются и хозяйками. Въ послѣднемъ случаѣ хозяйка во время моленій надѣваетъ на голову мужнину шапку или держитъ ее подъ мышкой или за пазухой. Этимъ, вѣроятно, выражается идея, что исполненіе религіозныхъ обязанностей въ принципѣ принадлежитъ мужчинѣ-хозяину. Всѣ заработки матери съ дочерьми отъ продажи холста, нитокъ, стараго тряпья, масла, шерсти и яицъ, остающихся въ излишкѣ отъ домашняго употребленія, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и идутъ на удевлетвореніе ихъ женскихъ нуждъ: наряды, приданое и проч. Глава семьи посягаетъ на ихъ собственность только въ крайней необходимости или при недобропорядочности его жизни. Послѣ женитьбы сыновей въ семьѣ образовываются новыя ячейки съ имущественными правами: прежняя скотина остается собственностью матери и дочерей ея, а приданная скотина и птица снохъ—ихъ собственностью (собинкой, или супинке, какъ говорятъ чуваши). Лошади ихъ работаютъ на семью, а равно и продукты отъ коровъ: молоко и масло—идутъ на удовлетвореніе семейныхъ нуждъ. Но приплоды, получаемые отъ приданныхъ сноппиныхъ лошадей, коровъ, приплоды и шерсть отъ придавныхъ овецъ, пухъ и перья отъ птицъ—считаются неприкосновенной собственностью снохъ. Это обстоятельство обусловливаетъ возникновеніе двухъ неприглядныхъ явленій въ жизни чувашъ: из-

[1]) Какъ извѣстно, у чувашъ-язычниковъ нѣтъ особаго жреческаго класса; религіозныя обязанности исполняются въ каждой семьѣ старшимъ членомъ семьи.

мельчанія породы скота и семейныхъ раздоровъ. Каждой снохѣ выгодно имѣть больше скота, поэтому каждая изъ нихъ старается не позволять продавать своихъ жеребятъ, телокъ и ярокъ, а старается оставлять ихъ на-племя. Поэтому въ каждой многочленной семьѣ накопляется полонъ дворъ скота. А такъ какъ порядочнаго корму для такой аравы не напасешься, то чуваши кормятъ скотъ кое-какъ. Вслѣдствіе этого скотъ дряхлѣетъ и мельчаетъ. Это весьма невыгодно отражается на экономическомъ положеніи чувашъ: чувашская овца даетъ въ годъ 3—4 фун. шерсти, тогда какъ у русскихъ даетъ 8—10 фунтовъ; чувашская корова даетъ въ сутки 1 или 2 кружки молока, тогда какъ у русскихъ корова даетъ 2—3 горшка въ сутки. Поэтому и дѣти чувашъ, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не видятъ молока: имъ дается только простокваша (уйран), получаемая послѣ пахтанья. Это, конечно, скверно отражается на здоровьѣ чувашъ. Такъ какъ все таки невозможно оставить на племя всѣхъ жеребятъ, телокъ и ярокъ отъ приданнаго скота снохъ, то возникаетъ въ семьѣ вопросъ: чьихъ жеребятъ или телокъ колоть или продать, чьихъ—оставлять на племя. И вотъ, на этой почвѣ возникаютъ часто семейные нелады, оканчивающіеся раздѣломъ семьи. Говоря о семейныхъ отношеніяхъ чувашъ, нельзя не упомянуть объ одномъ характерномъ обычаѣ чувашъ, именно: чувашки-снохи никогда не показываютъ своему свекору и женатымъ деверямъ, а равно и нареченнымъ отцамъ (хыйматлыхамъ) волосъ и босыхъ ногъ. Если случайно, по неосторожности, онѣ провинятся въ этомъ предъ кѣмъ-нибудь, то должны искупить свою оплошность штрафомъ: подарить ему полотенце или кисетъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ обычаѣ г. Жиро-Тёленъ видитъ остатокъ реакціи противъ существовавшаго въ первобытныя времена коммунизма половъ и кровосмѣшенія [1]). Это очень вѣроятно.

---

[1]) Происхожденіе семьи. О состояніи общества до патріархальнаго періода. Прилож. къ журн. Знаніе за 1876 г., стр. 53.

Приложенія.

№ 1. Такмак.

„Асӑнни çиҫӗ кун, тухни виçӗ кун; утсем ырхан пулҫӗç, çулсем хура пулҫӗç: çитеймерӗмӗр вӑхӑта, айӑп тумасӑрӑнҫӗ есир пире, тайӑн пуçӑм сире (пур те пуççапаççӗ). Утмӑл çухрӑм хура вӑрман урлӑ килтӗмӗр, çитмӗл çухрӑм çеçен хир урлӑ килтӗмӗр. Утмӑл çухрӑм хура вӑрман урлӑ каçнӑ ҫухне пӗр пӑлан куртӑмӑр: унӑн мӑйраки вӗçӗ ылттӑн иккен, ҫӗрни вӗçӗ кӗмӗл иккен, мӑйракипе шӑйӑрат̆ те йӗр тӑват̆, ҫӗрнипе пусат̆ те çул тӑват̆. Çавӑн çӳлӗпе килтӗмӗр. Çакӑ туй халӑхӗ: айӑп тумастра? кӗтетре? хапӑл тӑватра?“ тет. Тухса илекен калат̆: „кӗтетпӗр, хапӑл тӑватпӑр“. тет. Леш калат̆: „Çитмӗл çухрӑм çеçен хир урлӑ килнӗ ҫух куртӑмӑр епир çил—çунатлӑ урхамах: унӑн пуçӗ пӗлӗте тимест, ури çӗре тимест; утни—йуртни сисӗнмесӗ: шыв пек йухат, çил пек вӗçет, çав урхамах çине утланса килтӗмӗр епир çак туйа. Çеçен хир варринҫе çавра кӳлӗ, кӳлӗ варринҫе ылттӑн йупа, ылттӑн йупа тӑрринҫе ӑмӑрт кайӑк; унӑн ури пӑхӑр, çунаҫӗ кӗмӗл, сӑмси ылттӑн; урипе тапат̆, çунаҫӗпе çупат̆, сӑмсипе вӑйӑ калат̆; çав вӑйӑ сассипе килтӗмӗр епир. Çав çулпа килнӗ ҫухне çак хӑтасен йалӗ курӑнҫӗ хула пек, çурҫӗ умне çитрӗмӗр, çурҫӗ курӑнҫӗ кантур пек: хапхи тӑват йупалӑ, виçӗ хупӑлӑ, çийӗ калай, йупи мӗрҫен, хуппи кӗленҫе, тӑпси пӑхӑр, тыткӑҫи кӗмӗл; вӑл хапха çил—хӗвелпе шалтӑртатат̆, хӗрӳ хӗвелпе йалтӑртатат̆; çак хӑта пире хапхине уçса кӗтсе хапӑл туса тӑрат̆; вӑл хапхаран кӗрсен, хӑтанӑн карташ пит пысӑк иккен: урлӑшӗ вӑтӑр утӑм, тӑрӑшшӗ утмӑл утӑмӑл утӑмра утмӑл йупа, кашни йупара утмӑл ункӑ, утмӑл утӑм, ункӑран пӗр ункине утсене кӑкарса кантарма памӗ-ши? епӗ ыйтмастӑп, кӗрӳ ыйтат̆. Вӗçсе пыракан ӑмӑрт кайӑк та урттӑш йывӑçӗ çине ларса канат̆. Çак хӑтанӑн карташ варринҫе ултӑ хӑлаçлӑ пӳрҫӗ пур: тултан пӑхсан сакӑр кӗтес, ӑшне кӗрсен тӑват кӗтес, тӑват кӗтессинҫен пӗр кӗтессине пирӗн çак туй халӑхне кӗрсе тӑма ирӗк пулмӗ—ши? (Хӑта калат̆: пиртен ирӗк, тет.) Вӑл пӳртӗн ӑшӗнҫе

99 хăми пур иккен, 88 сакки пур иккен, 99 хăминҫен пĕр хăмине пире авалхи йăлапа выҫаса кулма ирĕк пулмĕ-ши? Епĕ каламастăп, ҫак кĕрӳ калаť, епир кăна мар, Турă хушнипе ҫеҫен хир те шевле выҫаť. 88 саккинҫен пĕр сакки ҫак туй халăхне ларса канма ирĕк пулмĕ-ши? Епĕ ыйтмастăп, кĕрӳ ыйтаť: епир кăна мар, вĕҫсе пыракан ăмăрт кайăк та урттăш йывăҫĕ ҫине ларса канаť. Ултă хăлаҫлă пӳрт ăшĕнҫе хăтанăн ултă хăлаҫлă сĕтел пур иккен; вăл ултă уралă сĕтел ҫинҫе пĕр пуҫĕнҫе сирсе сирĕлми сим пыл лараť, тепĕр пуҫĕнҫе тутлă шерпет лараť, сим пылпа тутлă шерпет хушшинҫе ылттăн тиркĕ лараť, ылттăн тиркĕ ҫинҫе ҫурхат выҫаť, ҫав ҫурхат пек пире выҫаса кулма ирĕк пулмĕ-ши? Ҫак хăта пирĕн ҫак туй халăхне кĕтсе сăра тунă иккен; сăрине ҫиҫĕ хут тунă, ҫиҫĕ хут туса ҫиҫĕ пасманаран тунă. Нӳхрепре пиҫетлесе хунă пиҫĕке пур иккен, пиҫĕки хĕрĕх кăшăллă, икĕ пăккăллă тет; пĕр пăккинҫен сим-пыл йухаť, тепĕр пăккинҫеп тутлă шерпет йухаť. Сим—пылне ĕҫсен ӳсĕр пулмалла, тутлă шерпетне ĕҫсен тутлă калаҫмалла. Вăл ĕҫке ĕҫнĕ ҫĕре ҫимĕҫ хатĕрленĕ: ҫиҫĕ ҫулхи вăкăрĕ пулнă, ҫиҫĕ ҫултанпа ҫиҫĕ кĕтĕве кĕмен, кăҫалхи ҫул ҫав вăкăра пирĕн аҫа туйĕ хатĕрне тытса пуснă иккен. Унăн иккĕмĕш ҫыса хатĕрленĕ пилĕк ҫулхи хура така пулнă, пилĕк ҫулта пиллĕк кĕтĕве кĕмен, вăл пуҫĕпе те сĕкнĕ, куҫĕпе те сĕкнĕ, ҫав такана кăҫалхи ҫул ҫак пирĕн аҫанăн туйĕшĕн тытса пуснă. Тата виҫҫĕмĕш ҫыса хатĕрленĕ виҫĕ ҫулхи кăрăкки пулнă, виҫĕ ҫулта виҫҫĕ ҫĕре анман, шав хуралтă тăрринҫе шулап тăрăх ҫунатланса вĕҫсе ҫӳренĕ, ҫав кăрăккана Турă хушнипе кăҫалхи ҫул ҫилтăвăл тĕртсе антарнă, хăта ăна ҫак туй халăхĕшĕн тытса пусса пĕҫерсе хатĕрленĕ. Вăл ĕҫке-ҫике ҫисе-ĕҫсе тăраннă ҫĕре ҫак хăтанăн улма саҫĕ пур иккен, улма саҫĕ варринҫе мунҫа пур, мунҫи урттăш йывăҫĕнҫен, ҫийĕ калай, лапки кĕленҫе, ҫулĕ мерҫен, ăшши шерпет, милĕкĕ пурҫăн, валашки пăхăр, курки кĕмĕл. Ҫак хăга пур туй халăхне ҫав мунҫана кӳртсе ҫăвăнтарасшăн тет. Ҫав мунҫаран тухнă ҫĕре ҫак хăта ҫис хатĕрлет. Унăн виҫĕ витре кĕрекен сăмавар пур, вуник пуҫлă

çёлен пек ђашкăрса ларат̆. Сăмавар тавращёнђе вун-икё парă ђашкă çине ђей тултарса хунă, çак туй халăхне ларса ёçме хатёрленё. Çак пирён хăта лайăх кăмăллă иккен, кам туйа килменнине тепёр хут шилёк йыхăрма йама крыльца умне ылттăн çилхелё, кёмёл ђёрнелё улма—ђăпар ут кăкарса хунă иккен. Ей хăта, тулђё-и кăмăлăр? Кунтан ытла сăмахăм çук, сиртен ытла савнă çыннăм çук. Çитмен пулсан çитерёр, ытла пулсан ан айăплăр. Ей хăта, тав сана, тайма пуçăм! (пуççапат̆): Тайма пуça хёç витмен, ман сăмахăм сире витес çук. Тав сана, тайма пуçăм! (пуççапат̆).

Хёр йёрри.

1. Хура вăрман ăшёнђе
Хурлăхан тетат̆ пёр ађа;
Ашшё—амăш парсассăн
Йёрет те кайат̆ хёр—ађа.
2. Ырă ут килет ыткăнса
Ырă урхамах йёрёпе;
Ман туй килет шавласа
Атте—анне йађёпе.
3. Вёрене тутка сыпăнат̆,
Хурăн тутка хуçăлат̆;
Атте çемйи катăлат̆,
Çиђё йут çемйи хутшăнат̆.
4. Тимёр çуна, йёс тупан,
Çути йултăр çул çине;
Йёс шăнкрав пек сассăмçăм
Йанăра йултăр ăрама.
5. Кёмёл кёпер ёрешеткине
Хамăр хурса каçрăмăр;
Атте хапхи ырăсла,
Хамăр уçса кётёмёр.
6. Хура вăрман выттине
Еп касмасăр кам касас;
Хамăр вассăн ађине
Еп каймасăр кам кайас.
7. Атăл улăх улма пек,
Ман тăвансем улпут пек;
Тăвансем пур те лайăхран
Йури туйла тутартăм.
8. Йенђёк тулли пăхăр укçа,
Пётём пасара çав пухат̆;
Вун-тăхăр çулхи пуçăмпа
Пётём тăвана хам пухрăм.
9. Хура курак килнё-çке,
Ђёпё йăтма килнё пулё.
Улхаш ђăваш, хура ђăваш
Мана илме килнё пулё.
10. Сикрём каçрăм пахђана,
Мăкăђ ђеђек пулё тесе,
Мăкăђ ђеђек пулмарё.
Ђупрăм тухрăм ăрама
Хамăр савни пулё тесе;
Хамăр савни пулмарё,
Турă çырни пулайрё.
11. Ђупрăм антăм çырмана

Кĕмĕл çĕрĕ пулĕ тесе;
Тăхлан çĕрĕ пулайрĕ,
Кĕмĕл çĕрĕ пулмарĕ;
Ђупрăм кĕтĕм пĕр пўрте,
Хамăр çемйе пулĕ тесе,
Хамăр çемйе пулмарĕ,
Йут çын çемйи пулайрĕ.
12. Ђупрăм антăм çырмана,
Шăма кĕпçи пулĕ тесе,
Шăма кĕпçи пулмарĕ,
Шăрăшлă кĕпçе пулайрĕ.
Тăван тесе ђупрăм та,
Çиђĕ йут ађи пулайрĕ.
13. Икĕ витре шыв ăсрăм,
Пусма умне лартайрăм,
Ахах йатăм—путмарĕ,
Кĕмĕл йатăм—йухмарĕ,
Çав Кив-Улхаш ађине
Пĕр те ђунăм савмарĕ;
Турă çырни йамарĕ,
Турă çырни—çўç çыхни:
Сивĕтсен те сивĕнмест.
Пĕр те Турă çырманни
Сивĕтмесен те сивĕнет.
14. Шăнкăр-шăнкăр шыв йухаĭ,
Хăмăшпа хăйах хушшинђе;
Хĕр ĕмĕрĕ иртет-çке.
Шурă пĕркенђĕк айĕнђе.
15. Мамăк минтер, хăмађă пит,
Ан хур, инке, лармастăп;
Атте хапхи вырăсла.
Ан уç, тете, тухмастăп.
16. Çитсă кĕпе тўсĕмсĕр,
Çамрăк пуçăм телейсĕр.
17. Хура вăрманти хурђăка
Хире тухман, уй курман;
Çав Кив-Улхаш ађисем
Вăййа тухман, хĕр курман,
Манран пуçне хĕр тупман.
18. Шăпăр-шăпăр çумăр çăваĭ,
Ђўређе витĕр курăнаĭ;
Епĕ ырă курмасси
Пăхса витĕр курăнаĭ-
19. Шăпăр-шăпăр çумăр-çăваĭ,
Мана сăран кам парас;
Çиђĕ йут йышлă, еп пĕђђен,
Манăн хута кам кĕрес.
30. Кĕмĕл çĕрĕ пысăк мар,
Унăн куçĕ ахах мар;
Епир çын пек пысăк мар.
Епир çынна йурас çук.
21. Вĕл-вĕл ђеђек, вĕл ђеђек,
Вĕлле çинђи сар ђеђек,
Ђеђек вĕçсе кайсассăн
Вĕлле илемĕ кайаĭ-çке,
Ах, аннеçĕм, аттеçĕм!
Епĕ тухса кайсассăн
Кил илемĕ кайаĭ-çке.
22. Икĕ талир, пĕр талир,
Пĕтĕм пасара çав пухаĭ:
Вунтăхăрти пуçăмпа
Пур тăвана хам пухрăм.
23. Хура вăрман варринђе
Вĕрене тутка çĕрет-çке;
Ай-хай, çамрăк пуçăмçăм
Çиђĕ йут килĕнђĕ йĕрет-çке.
24. Атте лаши—турă лаша,
Йури тĕпе кўлтертĕм;

Хурӑнташ-ӑру лайӑх тесе
Йури туйӑла тутартӑм.
25. Ах, аннеҫӗм, аннеҫӗм!
Манӑн ырӑ тусӑмҫӑм!
Пурӑнтӑмӑр иксӗмӗр
Пӗр йӑвари кайӑк пек.
26. Ҫырма тӑрӑх тӗтӗре:
Кайӑк вӗҫни курӑнмасӑ;
Атте-анне килӗнҫе
Ӗмӗр иртни сасӗнмест.
27. Пасар йӗки—ҫӗнӗ йӗке;
Пӗтӗрмесӗр сасси ҫук;
Епӗ пырас кил ӑнҫӗ:
Пымасӑрах сасӑ пур;
Йӗс тукунлӑ урапӑр,
Йӗрӗ йултӑр ҫул ҫине,
Йӗс хӑнкрав пек сассӑмҫӑм
Йанӑра йултӑр ҫак йала.
28. Ахъ, аннеҫӗм, аннеҫӗм:
Хуран тулли сӗт ҫакрӗ,
Вӗрене вутти хуҫӗ те,
Вӗре тӑтӑр терӗ пулӗ;
Ҫиҫӗ йута паҫӗ те,
Йӗрсе тӑтӑр терӗ пулӗ.
29. Кӑвак-кӑвак кӑвакарҫҫин
Шӑвӑҫлӑх тӑрӑх кускалаӑ,
Шӑвӑҫлӑх вӗҫне ҫитсессӗн
Ик ҫунаҫӗпе шап ҫапаӑ;
Ах, аннеҫӗм, аннеҫӗм!
Мана парса йарсассӑн
Ик аллине шарт ҫапаӑ.
30. Сӑрлӑ-сӑрлӑ кӗленҫе
Ҫӑр-ҫӑр туса кайрӗ-ҫке,
Ҫул ҫитмесӗр паҫӗҫ те,
Ӑс кӗмесӗр ӑн кайрӗ.
31. И йур ҫурӗ, йур ҫурӗ,
Ҫӗрӗ йепле ҫӑтрӗ—ши;
Мана кӑҫал ҫын ҫирӗ,
Турри йепле тӳсрӗ—ши.
32. Пирӗн атте пуйан мар,
Виҫ кун туни сӑри пур;
Ватти пулӗ, ҫамрӑк пулӗ,
Пур те пырӑр сӑра ӗҫме.
33. Пӳртрен тухрӑм, тайӑлтӑм,
Кил-йышсенҫен уйӑрӑлтӑм,
Пӑлтӑртан тухрӑм, тайӑлтӑм,
Тӑвансенҫен уйӑрӑлтӑм,
Хапхаран тухрӑм, тайӑлтӑм,
Тантӑшсенҫен уйӑрӑлтӑм;
Йалтан тухрӑм, тайӑлтӑм,
Йал-йышсенҫен уйӑрӑлтӑм;
Ҫикрен тухрӑм, тайӑлтӑм:
Ҫӗр-шывсенҫен уйӑрӑлтӑм.
34. Хура сӑкман ҫӗлетрӗм;
Кӗске тесе ан калӑр;
Курса пӗлсе илетӗр,
Наҫар тесе ан калӑр.
35. Хура лаша ҫилхине
Йӗс турапа тураҫҫӗ:
Епӗ кайас аҫана
Кам курни мӗн хурлаҫҫӗ.
36. Пусса-пусса пынӑ ҫух
Урам шуса каймин-ҫӗ;
Уссе—ӳссе пынӑ ҫух
Пуҫӑм сайа каймин—ҫӗ.
37. Шӑнкӑр-шӑнкӑр шыв йухаӑ,
Ҫӗр ҫинҫен мар, ҫул ҫинтен,
Еҫӗр, ҫийӗр тӑвансем,
Ҫук ҫинҫен мар, пур ҫинҫен.

38. Хура вăрман хуххине
Хурлă татаť пĕр ађа,
Ашшĕ—амăш парсассăн,
Йĕрет те кайаť хĕр-ађа.
39. Тăваткăл кĕççе, шур кĕççе,
Ах, ан сарăр, лармастăп;
Ах, аттеçĕм, аннеçĕм!
Тăваткăл минтер ан тытăр,
Еп лармастăп ун çине,
Ан уçăрах хапхăра,
Еп тухмастăп ку килтен.
40. Атăл хĕррине çитмесĕр
Атта хывса хурас мар;
Çиђĕ йут килне çитмесĕр
Çиђĕ йут ăсне тытас мар.
41. Вун-ик мерђен шыв çинђе,
Пухса илес-ђĕ, шыв аслă;
Кăçал мана çын çини,
Тавăрас-ђĕ,йал аслă.
42. Кĕске çаран утине
Çулас теттĕм пĕр-ик кун;
Атте анне ырăлăхне
Ларас теттĕм пĕр-ик çул.
43. Шурă ђăлха сырмарăм,
Ăрама тухса лармарăм,
Йала тухса çÿремерĕм,
Атте питне пĕçермерĕм,
Хамăн йатăма йамарăм.
44. Епĕ кайрăм пасара
Икĕ пуслăх йĕп илме:
Илессине илтĕм те,
Çип тиркемин йурĕ-ђĕ;
Çиђĕ йутăн ађине
Кайассине кайрăм та,
Çын тиркемин лайăх-ђĕ.
45. Епĕ пырас çул çине
Йĕтĕн акса тултарнă,
Епĕ пырас киле те
Елек ɥарса тултарнă.
Йепле пырса кĕрем-ши,
Пуçăма йывар килмĕ-ши?
46. Атăл урлă каçмăттăм,
Каçарайђĕç кимĕпе,
Атте килĕнђен тухмăттăм,
Çиђĕ йут мулĕ кăларђĕ,
Пылĕпеле улталарĕ.
47. Кĕмĕл çĕрĕ пулăттăм,
Атте аллинђе пулăттăм,
Атте ывăлĕ пулăттăм,
Атте çуртне тытăттăм.
47. Икĕ тутăр пĕр вĕçрен,
Хаđă касрĕ, уйăрђĕ;
Епир иккĕн пит тус-ђĕ,
Çырни тухрĕ, уйăрђĕ.
49. Çырма тулли шыв йухаť,
Çыранне йывăр килмĕ-ши;
Çиђĕ йута кайсассăн,
Пуçма йывăр килмĕ-ши?
50. Çыранĕ çÿлĕ, сăрт лутра,
Улăхаймарăм, мĕн тăвас;
Турă Пÿлĕх çырнинђен
Иртеймерĕм, мĕн тăвас!
51. Тупăлха турта, турă лаша,
Турти кĕске пулмин-ђĕ;
Кайнă выранăм ăнмасан
Емĕрĕм кĕске пулмин-ђĕ.
52. Турăран сывлăх ыйтатăп,
Патшаран ырăлăх кĕтетĕп.
53. Аккăш вĕçсе пынă ђух
Кам курни пур урине;

Çиђĕ йута кайсассăн
Кам курни пур ырриие.
54. Улăх тăрăх утă çултăм,
Улма йывăç тĕл пултăм;
Улма йывăç çулçăсăр,
Ман çамрăк пуç телейсĕр.
55. Турă лашам тулăксăр,
Çул çук çĕре çул хыврĕ,
Пирĕн аттен пĕлменни:
Пĕр вăхтсăр хĕр пађĕ.
56. Хура-хура куракcем,
Хура çĕр çинђе тăранман,
Хуралтă çине сăрса илнĕ;
Çиђĕ йутăн туй халăх
Йевђĕ килĕнђе тăранман,
Атте килне сăрса илнĕ,
Ман пуç çине тăраннй.
57. Ђупрăм антăм çырмана.
Йухрĕ тухрĕ шерепем.
Пур пур тĕслĕ шăрçам пур,
Ылттăн тĕслĕ шăрçам çук;
Пур пур тăван пур те пур,
Енĕ ыран кунта çук.
58. Йухлăх тăрăх шыв йухаŤ,
Алă çума йурамасŤ,
Алă çума йурасан,
Мĕшĕн питĕме çумăп-ши.
Атте-анне килĕнђе
Емĕр ларма йурамасŤ,
Емĕр ларма йурасан,
Мĕшĕн ĕмĕр лармăп-ши?
59. Атте пӳрђĕ пысăк пӳрт,
Çиђĕ йут пусса пĕтерђĕ;
Еп тухмăттăм çак пӳртрен,
Çиђĕ йут мулĕ кăларђĕ.
60. Атте çурђĕ шĕшкĕлĕх,
Шĕшкĕлĕхре мăйăрлăх,
Анаттăм та тататтăм;
Çиђĕ йут çурђĕ йуманлăх,
Йуманлăхра çĕленлĕх,
Кĕрсессĕн те ђăш тăваŤ,
Тухсассăн та ђăш тăваŤ,
Йепле пырса кĕрем-ши?
61. Сар çăмарта кустартăм,
Йушкăн айне путрĕ-çке;
Çиђĕ йут килне кайсассăн
Сăмах айне пулăп-çке.
62. Ах, аннесĕм, аннеçĕм!
Купăста акрăн, ӳстертĕн,
Лартма вырăн тупмарăн;
Пукане пек хĕр турăн,
Пама вырăн тупмарăн.
63. Ирех тăтăм ирĕксĕр,
Питме çурăм супăңсăр;
Еп каймарăм ирĕкпе,
Атте пађĕ ирĕксĕр.
64. Кĕмĕл çĕрĕ пăрахса,
Пăхăр çĕрĕ тăхăнайрăм;
Йал ађине пăрахса,
Йал йал урлă кайайрăм.
65. Мамăк минтер хăпармас,
Çийелти пиђĕ тăвăртан,
Манăн кăкăрăм çаврăнмас,
Кĕçĕнтен хуйхăлă ӳснĕрен.
66. Кĕске çаран утине
Çăлтăм ывăç тулиђђен,
Лартăм атте килĕнђе
Атте кăмăл тулиђђен.
67. Улађа кĕпе çĕлерĕм,
Кĕске тесе ан калăр,

Çиӡӗ йута йурарӑм,
Наӡар тесе ан калӑр.
68. Тӑхӑр така усракан
Пӗр кӗрӗксӗр йулакан,
Хӗр суйласа çӳрекен
Инке арӑмсӑр йулакан,
Инке арӑма Турӑ куртӑр,
Усал та пулсан хӗр пултӑр,
Хӗр пултӑр та пур пултӑр,
Пурçӑн кӗпе тӑхӑнтӑр,
Пурçӑн кӗпи ан пӗттӗр,
Çак йалта хӗр ан пӗттӗр.
69. Вӗл-вӗл ӡеӡек, вӗл ӡеӡек,
Вӗлле çинӡи сар ӡеӡек,
Вӗççе анассӑн туйӑнаӗ,
Атте килӗнӡен тухнӑ ӡух
Ӡун тухассӑн туйӑнаӗ.
70. Çӳлӗ ту çине хӑпарма
Йӗс таканлӑ ут кирлӗ:
Çиӡӗ йута йурама
Ӡӗкеç ӡӗлхелӗ çын кирлӗ.
71. Шурӑ тутӑр пӗтертӗм,
Çӑварни кун çыхас пек,
Çинçе пӳме ӳстертӗм
Йал аӡине кайас пек.
72. Аккӑш килет картине,
Кам курни пур урине?
Çын савнине кайакан
Кам курни пур ырине?
73. Ушкӑн ушкӑн тупӑлха,
Хӑшӗ шупка çав ытла
Мӗн пур тӑван хушшинӡе
Пайанхи кун еп ытла.
74. Сарлӑх çинӡе сар кайӑк,
Сасси пур та хӑйсем çук;
Ах, аттеçӗм, аннеçӗм.
Йаӡӗ пур та хӑйсем çук.
75. Çӳл ту çине хӑпартӑм;
Емӗр кайми йур куртӑм;
Ах, аккаçӑм, аккаçӑм!
Пӗрре ларма килтӗм те,
Ӡупрӑр тухрӑр ӑрама,
Хамӑр тӑван пулӗ тесе.
76. Хура вӑрманти хурӡӑка
Хӑне çӳреме çул тупман,
Çак сиӡӗ йут аӡисем
Манран пуçне хӗр тупман.
77. Улӑх ути улма пек,
Манӑн йысна улпут пек;
Çӗрти çырла шӑрçа пек,
Манӑн акка пике пек.
78. Ман аттене мул кирлӗ.
Çиӡӗ йута йыш кирлӗ.
79. Атте çурӡӗ утмӑл хӑлаç,
Ут пек ӡупса çӳреттӗм,
Атте—аннене йурарӑм;
Çиӡӗ йут картиш çитмӗл хӑлаç,
Çил пек вӗçсе çӳресен те,
Çиӡӗ йута йурас çук.
80. Кайӑк—кӑвакал ӑçтӗлте?
Çиӡӗ çырма хушшинӡе?
Кайӑк-хур ӑçта какалаӗ?
Çиӡӗ хула хушшинӡе;
Ах, аннеçӗм, аннеçӗм!
Сан хӗр сасси ӑçтӗлте?
Çиӡӗ йутӑн килӗнӡе.
81. Хура пурçӑн пиçихи
Пилӗкӗм тавра çаврӑнӡӗ,
Вун-ик çаврӑнан ал-çыххи
Аллӑм тавра çаврӑнӡӗ;

Çиђĕ йутăн ађипе
Çÿçĕм пĕрђи çыхланђĕ.
82. Утмăл хăма тăрăшне
Утса тухса пулмарĕ,
Çитмĕл хăма тăрăшне
Çитсе курса пулмарĕ,
Ђунăм савман ађаран
Пуçма хăтарса пулмарĕ.

№ 3. Прощальныя пѣсни невѣсты.

1. Въ темномъ (дремучемъ) лѣсу смородину собираетъ паренекъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

2. Несется вскачь добрый конь по слѣдамъ добраго аргамака; ѣдутъ съ шумомъ поѣзжане моего жениха, чествуя моихъ родителей.

3. Кленовые бруски [1]) наставляются, березовые бруски обламываются; семья моего отца убавляется, чужая семья прибавляется.

4. Желѣзныя сани, мѣдныя половья; пусть блескъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный колокольчикъ, пусть звукъ его останется на улицѣ.

5. Мы сами устроили мѣдныя перила на мосту и сами переѣхали (по нему); ворота моего отца (сдѣланы) порусски, мы сами отворили ихъ и въѣхали.

6. Въ дремучемъ лѣсу кому рубить дрова, кромѣ меня? За парня изъ нашей улицы кому выйти кромѣ меня?

7. Волжскій островъ какъ яблоко, мои родственники какъ господа, такъ какъ всѣ родственники у меня хороши, нарочно я велѣла сдѣлать полную свадьбу.

8, Полный кисетъ мѣдныхъ денегъ собираетъ цѣлый базаръ; я, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, собрала всю свою родню.

9. Ахъ, прилетѣла злая ворона, видно, за цыпленкомъ она прилетѣла! Алгашинскій чувашинъ—недобрый чувашинъ: видно, за мной онъ пріѣхалъ.

10. Я взяла и перепрыгнула въ огородъ, думала, что тамъ макъ цвѣтетъ, но не оказалось тамъ маковаго цвѣтка. Встала и побѣжала на улицу, думала, тамъ мой милый дружокъ; милаго моего дружка не оказалось, а оказался Богомъ суженый.

11. Я встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ серебряное колечко, серебрянаго колечка не оказалось, а оказалась оловянное кольцо; встала и побѣжала въ одинъ домъ, думала, что тамъ своя семья, но не своя семья оказалась, а оказалась чужая семья.

12. Встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ коровка (растеніе), коровки тамъ не оказалось, а оказалась вонючая дудка (вехъ); побѣжала, думая встрѣтить родного, а оказался чужъ—чужанинъ.

---

[1]) Въ чув. текстѣ «тутка», слово для насъ непонятное.

13. Я почерпнула два ведерка водички, поставила ихъ передъ крылечкомъ; сердоликъ (туда) пустила—не тонетъ, серебро пустила—не плаваетъ; къ этому Старо-Алгашинскому молодцу не лежало совсѣмъ мое сердце, но отъ Божьяго опредѣленія не пришлось уйти: Божье опредѣленіе—все равно какъ запутавшіеся волосы, (Богомъ суженаго) никакими наговорами не отвадишь, а вовсе Богомъ не суженый и безъ наговариванiй отстанетъ.

14. Съ журчаніемъ течетъ вода между камышемъ и осокой; ахъ, кончается вѣкъ дѣвичій подъ бѣлой фатой!

15. Пуховая подушка, кумачовая наволочка. Лучше и не клади ея, невѣстка, не сяду я на нее; ворота моего батюшки по русски (сдѣланы): лучше и не отворяй, братецъ, не выѣду я.

16. Ситцевая рубаха не ноская, молодая моя головушка безталанная!

17. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, ни разу въ поле не вылеталъ, поля не видалъ; эти Старо-Алгашинскіе парни ни разу въ играхъ не бывали, дѣвушекъ не видали, кромѣ меня будто и дѣвушекъ не нашли.

18. Дождь идетъ, накрапываетъ, сквозь окошко вижу я; что не видать мнѣ добра (замужемъ), это ясно вижу я.

19. Дождь идетъ, накрапываетъ, кто дастъ мнѣ кожу (накрыться)? чужъ-чужанинъ не одинъ, я одна: кто заступится за меня?

20. Серебряное колечко не велико, глазокъ его не изъ сердолика; мы не большіе люди, какъ другіе, мы не сможемъ понравиться людямъ.

21. Тихо—тихо колышется цвѣточекъ, желтый цвѣточекъ на улеечкѣ; когда съ улья слетитъ цвѣточекъ, красоту свою потеряетъ улей; ахъ, батюшка, ахъ матушка! Когда я уйду изъ нашего дома, онъ потеряетъ свою красоту.

22. Два—талера съ талеромъ (?) собираютъ цѣлый базаръ, будучи девятнадцатилѣтней дѣвушкой, я собрала всю родню.

23. Среди дремучаго лѣса гніетъ кленовый брусокъ; ахъ, молодая моя головушка плачетъ—убивается въ чужомъ домѣ.

24. Батюшкинъ конь—гнѣдой конь, я нарочно велѣла его въ корень запрячь; зная, что родня у меня хорошая, я нарочно велѣла сдѣлать полную свадьбу.

35. Ахъ, матушка моя, матушка, милый мой дружочекъ! Жили мы съ тобою какъ двѣ птички въ одномъ гнѣздѣ.

26. По рѣчкѣ (стелется) туманъ: не разглядишь летающихъ птицъ; въ домѣ батюшки и матушки и не замѣтишь, какъ проходитъ вѣкъ.

27. Базарное веретено—новое веретено: пока не прядешь, не слышно его жужжанья; Хорошъ-же оказался домъ, куда я иду: не успѣла еще я войти въ него, а обо мнѣ уже идутъ пересуды; съ мѣдными ободьями у васъ колеса, пусть слѣдъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный бубенчикъ, пусть звукъ его останется въ этой деревнѣ.

28. Ахъ, матушка моя, матушка: полонъ котелъ молока она повѣсила (кипятить), кленовыхъ дровъ подложила она, «пусть кипитъ» думала,

видно, она; за совсѣмъ чужого выдала она меня, «пусть плачетъ» думала, видно, она.

29. Сизый—сизый голубочекъ, по крышѣ онъ бѣгаетъ, когда добѣжитъ до края крыши, «хлопъ»! ударяетъ обѣими крыльями; ахъ, матушка моя, матушка! Когда выдастъ меня замужъ, «хлопъ»! ударитъ она обѣими руками (съ горя).

30. Разноцвѣтное стекло растрескалось вдоль и поперекъ; выдали (меня), пока я на успѣла подрости и войти въ разумъ, и не знаю я теперь, что мнѣ дѣлать.

31. Долго, долго шелъ снѣгъ, какъ это только стерпѣла земля! Ѣли, ѣли (осуждали) меня нынче люди, какъ это только стерпѣлъ Богъ!

32. Нашъ батюшка не богатый человѣкъ, а (все таки) есть у него пиво, которое варили цѣлыхъ три дня; старые-ли, молодые-ли, всѣ идите пиво пить.

33. Вышла изъ избы, поклонилась, отъ семьи своей отдѣлилась; изъ сѣней вышла, поклонилась, отъ родни своей отдѣлилась; изъ воротъ выѣхала, поклонилась, отъ сверстниковъ своихъ отдѣлилась; изъ деревни выѣхала, поклонилась, отъ односельчанъ своихъ отдѣлилась, за грань (родной земли) выѣхала, поклонилась, отъ родной земли отдѣлилась.

34. Черный кафтанъ сшила я, не говорите, что коротокъ. Видя и зная берете (меня), не говорите (послѣ), что плохая я.

35. Гриву вороного коня мѣднымъ гребнемъ росчесываютъ; суженаго моего молодца кто ни увидитъ всѣ расхаиваютъ.

36. Пока я иду, пока шагаю, какъ-бы ноженьки мои не поскользнулись; пока я прихожу въ возрастъ, какъ-бы головушка моя не пропала даромъ.

37. Течетъ, журчитъ рѣченька, не по землѣ, а по камешкамъ. Ѣшьте, пейте, родные, не въ такой мы бѣднотѣ, чтобы нечѣмъ было угощать васъ.

38. Во дремучемъ лѣсу грустно ходитъ молодецъ и дудки [1]) рветъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

39. Четырехугольнаго войлока, бѣлаго войлока [2]), лучше не стелите, не сяду я; Ахъ, батюшка, ахъ матушка! лучше и не берите четырехугольной подушки, я не сяду на нее, лучше и не отворяйте воротъ вашихъ, я не выѣду изъ этого дома.

40. Пока къ Волгѣ не доѣхала, сапогъ снимать не буду я; пока въ чужой домъ не пріѣхала, чужимъ умомъ не буду я жить.

41. Двѣнадцать ковалловъ въ водѣ, надо-бы ихъ собрать, но вода велика; ахъ, чего чего не говорили нынче про меня: отомстить-бы, но деревня велика!

42. На маленькомъ лугу два-три дня хотѣлось мнѣ покосить травки;

---

[1]) Общее названіе растеній съ полымъ стеблемъ.
[2]) Чуваши для гостей кладутъ на нары войлокъ.

по милости батюшки и матушки хотѣлось посидѣть (въ дѣвицахъ) еще два-три годика.

43. Бѣлыхъ чулокъ не надѣвала я, по деревнѣ не шаталась я, родителя краснѣть не заставила я, (добраго) имени своего не потеряла я.

44. Ходила я на базаръ, чтобы на двѣ копейки иголокъ купить, купить-то купила я, хорошо, какъ онѣ будутъ подходящи къ ниткамъ; выйти-то вышла я (замужъ) за чужого молодца, хорошо, какъ онъ не будетъ мною пренебрегать.

45. По всему моему пути—дороженькѣ льну понасѣяно; домъ моего жениха наполненъ клеветой (на меня); ахъ, какъ только мнѣ войти въ него! Не пришлось-бы тяжеленько моей головушкѣ.

46. Не перешла-бы я черезъ Волгу, да на лодкѣ переправили меня, медомъ обманули (моего батюшку).

47. Если-бъ была я серебрянымъ колечкомъ, была-бы (всегда) на рукѣ своего батюшки, если-бы я была батюшкинымъ сынкомъ, управляла-бы я батюшкинымъ домомъ.

48. Два платка въ одномъ кускѣ, ножницы разрѣзали, раздѣлили; неразрывные друзья мы были съ тобою, судьба вышла, раздѣлила.

49. Течетъ рѣка полна воды, какъ-бы тяжеленько не пришлось берегамъ; иду за чужого молодца: какъ-бы трудненько не пришлось моей головушкѣ.

50. Холмъ низокъ, берега высоки, что дѣлать: не смогла я взойти. Отъ того, что суждено Богомъ и Раздѣлителемъ, не смогла я уйти, что мнѣ дѣлать?

51. Оглобли изъ таволги, конь гнѣдой, какъ-бы не оказались коротки оглобли; если домъ, куда я иду, окажется неудачнымъ, какъ-бы не оказался коротокъ мой вѣкъ.

52. Прошу здоровья у Бога, жду милости отъ Царя.

53. Когда летитъ лебедь, кому удавалось видѣть его ноги? Когда выходятъ (замужъ) за чужого парня, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

54. Косила сѣно я на островѣ, встрѣтила тамъ яблоновое дерево, яблоновое дерево безъ листьевъ, молодая моя головушка безталанна.

55. Гнѣдой мой конь безтолковый: тамъ, гдѣ не было дороги, дорогу проложилъ. Ахъ, эта неразсудительность нашего батюшки: совсѣмъ не во время дочь выдаетъ!

56. Черные, черные грачи на черной землѣ не насытились, обложили кругомъ нашъ домъ. Ну ужъ и люди поѣзжане моего жениха: въ домѣ сватуна не насытились, заполонили домъ моего батюшки, головушки моей захотѣли.

57. Побѣжала я на рѣченьку, разсыпался у меня бисеръ; всякихъ бусъ у меня достаточно, нѣтъ только золотистыхъ бусъ; всякой родни здѣсь достаточно, только меня завтра здѣсь не будетъ.

58. По засоренному (?) мѣсту вода течетъ, для мытья рукъ она не годится, если-бы годилась для рукъ, отчего-бы не умыть и лица? Въ домѣ

батюшки и матушки вѣкъ сидѣть не годится: если-бы можно было сидѣть вѣкъ, отчего-бы не сидѣть мнѣ вѣкъ?

59. Батюшкинъ домъ—большой домъ, чужъ—чужанинъ одолѣлъ его, я не вышла-бы изъ него, чужое богатство вывело меня.

60. Батюшкинъ домъ—орѣшникъ, въ орѣшникѣ орѣхи, подойду, бывало, и сорву (орѣшковъ); чужой домъ—дубрава, а въ дубравѣ змѣи: войдешь—шипятъ, выйдешь—шипятъ; какъ только войду я (въ этотъ домъ)?

61. Желтое яичко покатила я, въ тинѣ оно потонуло; когда я войду въ чужой домъ, отъ злыхъ рѣчей погибну я.

62. Ахъ, матушка моя, матушка! Капусту ты посѣяла, выростила, посадить мѣста не нашла; дочь родила ты ровно куколку, выдать (замужъ) мѣста не нашла.

63. Встала рано не своей охотой, умыла личико не съ мыломъ, я выхожу не по своей волѣ, а по волѣ батюшки.

64. Снявши серебряное колечко, мѣдное колечко надѣла я; бросивъ молодца изъ своей деревни, за тридевять земель иду я.

65 Не взбивается пуховая подушка, оттого, что наволочка тѣсна; не округляются мои груди, оттого, что въ горѣ росла съ малыхъ лѣтъ.

66. Я дергала на лугу невысокую травку, пока горсть моя не наполнилась; сидѣла я въ домѣ батюшки, пока душа его не насытилась.

67. Пестрядиную рубаху сшила я, не скажите, что коротка; чужому парню угодила я, не скажите, что плоха.

68. Девять барановъ имѣющій, безъ шубы часто остается; невѣстъ строго выбирающій, безъ вдовы часто остается; Богъ съ нею, со вдовой: хоть плохая, да пусть будетъ дѣвушка; пусть будетъ дѣвушка, да не бѣдная, пусть она ходитъ въ шелковьѣ; пусть не будетъ износу шелковой рубахѣ, пусть не будетъ недостатка въ невѣстахъ въ этой деревнѣ.

69. Тихо-тихо колышется цвѣточекъ, желтый цвѣточекъ на улеечкѣ, кажется, сейчасъ готовъ слетѣть; когда выходила я изъ дома батюшки, кажется, душа моя была готова вылетѣть.

70. Чтобы въѣхать на крутую гору, надо имѣть коня съ мѣдными подковами, чтобы угодить чужимъ людямъ, надо человѣка съ языкомъ ласточки.

71. Бѣлый платокъ окаймила я, думала, повяжу на масленицу; выростила я свой тонкій станъ, думала, выйду за своего деревенскаго молодца.

72. Летитъ стая лебедей, кому удалось видѣть ихъ ноги? когда выходятъ за чужого милаго, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

73. Кустами растетъ таволга, которая бѣлѣе, та и лучше; изъ всей родни въ этотъ день одна я больше всѣхъ.

74. Сидитъ желтая птичка (?) на крылечкѣ, голосъ ея слышно, но самой не видать; ахъ, батюшка, ахъ, матушка! поминаются ихъ имена, но самихъ не видать.

75. На высокую гору поднялась я, вѣчные снѣга видѣла я; ахъ, сестрица моя, сестрица! разъ на посидѣнки пріѣхала я, выбѣжали вы на улицу, желая встрѣтить сестричку свою.

76. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, не нашелъ себѣ дороги; эти чужіе молодцы не нашли дѣвушки, кромѣ меня.

77. Поемное сѣно словно яблоко, зятюшка мой словно баринъ; ягодки на лугу словно бусы, сестричка моя словно барыня.

78. Батюшкѣ моему деньги нужны, чужимъ людямъ—лишній человѣкъ для семьи нуженъ.

79. Батюшкинъ домъ шестидесятисаженный; бывало, не быстрѣе коня въ немъ бѣгаю, и все-таки угождала родителямъ; чужой домъ семидесятисаженный: хоть съ быстротою вѣтра бѣгай ты въ немъ, и все-таки не угодишь чужимъ людямъ.

80. Гдѣ-же это дикія утки? А между семью рѣками. Гдѣ-же это гогочутъ дикіе гуси? А между семью городами. Ахъ, матушка ты, моя матушка! Гдѣ-же это слышится голосъ твоей дочери? А въ домѣ чужихъ людей.

81. Черный шелковый поясочекъ вокругъ таліи обвился; въ двѣнадцать оборотовъ запастье вокругъ руки моей обвилось; съ волосами чужого молодца мои волосы спутались.

82. Шестьдесятъ досокъ, положенныхъ одна за другой вдоль, не удалось мнѣ пройти; семьдесятъ досокъ положенныхъ вдоль, не удалось мнѣ пройти; отъ немилаго молодца не удалось идѣ избавиться.

№ 4. Хӗр ҫуммисен йурри.

Ей хӑтаҫӑм, хӑтаҫӑм!
Ҫитӗ капан ыраш пур,
Ӑна ҫапма кин илет,
Ҫавна ҫапса пӗтерсен
Кинне калле йарӑп тет.
Ну, тӑхлаҭӑҫӑм, тахлаҭӑ!
Ҫиҭӗ валашка кӗпи пур,
Тӑват валашки хуртланнӑ,
Виҫ валашки шӑршланнӑ.
Ҫавна ҫума кин илет,
Ҫавна ҫуса пӗтерсен,
Кинне кӳрсе йарӑп тет.
Уҫ—ха, инке, пахҭӑна,
Купӑсту пуҫне курар-ха,
Ил-ха, йысна, ҫӗлӗкне,
Кукша пуҫна курар-ха;
Ҫӗлӗкне илсе пӑхсассӑн,
Навус ҫинҭи кӑмпа пек.
Арпалӑхра ларас-ҫке,
Арпа ҭавса ларас-ҫке,
Ах, йыснаҫӑм, йыснаҫӑм!
Куҫна ҭавса ларас-ҫке!
Куҫ хӑрпахxи пит вӑрӑм,
Ҫавӑнпа куҫне уҫаймасӑ.
Пуртӑ аври пек манки пур,
Хурт—пуҫҫи пек пыйти пур;
Манки мӑш-мӑш тӑваӑ-ҫке,
Пыйти вӗш-вӗш тӑваӑ-ҫке.
Ах, йыснаҫӑм, йыснаҫӑм!
Виҫӗ тӗрке пушӑтран
Хӑрах ҫӑпата кӑларҭӗ,
Вӑл та пулин сулахай;

Сулахайĕ тарам-ҫĕ,
Вăл та пулин пасарăн.
Ах, аппаçăм, аппаçăм!
(Хĕрĕн йатне асăнаççĕ)
Виçĕ пĕрҫĕ йĕтĕнрен
Керў кĕпи кăларҫĕ,
Вăл та пулин шăтăклă
(Кĕрĕ çĕклесе тунă)
Ана йăранĕ куккăр,
Пирĕн йысна суккăр;
Çуни пултăр сăрлă,
Пире сăрсăр кирлĕ мар,
Йысни пултăр куçлă,
Пире суккăр кирлĕ мар.

Путĕр, путĕр! путене
Урпа ани пуçĕнҫе,
Урпа пуçахĕ пит вăрăм,
Çавăнпа пуçне йăтаймасть;
Ах, йыснаçăм, йыснаçăм!
Куç хăрпахҳи пит вăрăм,
Çавăнпа куçне уçаймасть.
Путĕр! путер! путене
Йăви тĕлне тупмасăр
Çерем çинҫе çĕр каçнă;
Ах, йыснаçăм, йыснаçăм!
Ашшĕ килне тупмасăр
Çĕр мунҫара çĕр каçнă...

№ 5. Пѣсня дружекъ.

Ахъ, сватушка нашъ, сватушка! семь копенъ ржи у него, чтобы ихъ обмолотить, онъ беретъ себѣ сноху, а обмолотивши ихъ, назадъ онъ думаетъ прогнать сноху. Ну и свашенька наша, свашенька! семь корытъ немытаго бѣлья у нея, четыре корыта зачервивѣли, три корыта протухли, для стирки этого бѣлья *сноху она беретъ, а выстиравши его, сноху думаетъ назадъ* прогнать. Отопри-ка, тетенька, огородъ твой, мы посмотримъ на вилки твоей капусты, а сними-ка ты, зятюшка, шапку твою, мы посмотримъ на плѣшивую твою голову, если снять шапку да посмотрѣть на твою головў, то она у тебя какъ грибъ на навозной кучѣ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! сидѣть-бы тебѣ въ мякинницѣ и шевыряться въ мякинѣ, продирая глаза свои! Рѣсницы у него очень длинны, потому онъ не можетъ открыть глазъ. Сопли у него съ топорище, а вши величиной съ раковину; соплями своими онъ шмыгаетъ, а вши у него кишмя—кишатъ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! изъ трехъ пучковъ лыка вышелъ у него всего одинъ лапоть, да и тотъ на лѣвую ногу, да наплевать-бы, что на лѣвую, а главное—вышелъ, точно на базаръ сработанъ. Ахъ, сестричка ты наша, сестричка! (здѣсь поминаютъ имя невѣсты) изъ трехъ волоконъ льна вышла у нея рубашка для молодого мужа, да не простая, а *узорчатая (выткана съ узорами). Борозды на загонѣ кривыя*, и зятюшка нашъ кривой. Сани (у нащего зятя) пусть будутъ крашеныя, намъ некрашеныхъ не надо, зять нашъ пусть будетъ зрячій, намъ кривого не надо. Пыть! пыть! (кричитъ) перепелка у ячменнаго загона, у ячменя колосъ очень длинный, потому не можетъ онъ поднять своихъ ко-

лосьевъ. Ахъ. аятюшка ты нашъ, зятюшка! рѣсницы у него очень длинны, потому не можетъ онъ открыть глазъ. Пыть! пыть! перепелка, не нашедши гнѣздышка провела ночь на лужайкѣ. Ахъ. зятюшка ты нашъ, зятющка! не нашедши родительскаго дома, въ банѣ, вырытой въ землѣ, провелъ ночь..

Необходимо замѣтить, что чувашская поэзія при переводѣ на русскій языкъ совершенно утрачиваетъ свою красоту. Извѣстно, что чувашскій языкъ, какъ языки и другихъ инородцевъ Волжско-Камскаго края, по своей конструкціи не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ языкомъ, поэтому при переводѣ на русскій языкъ почти невозможно передать оттѣнки и идіотизмы чувашской поэзіи.

Въ чувашской поэзіи часто бросаются въ глаза отрывочность изложенія, безсвязность, неясность сравненій, странные переходы отъ одной мысли къ другой. Иногда встрѣчаются выраженія, не имѣющія дѣйствительнаго смысла. Объяснятся это тѣмъ, что чуваши весьма любятъ въ стихахъ созвучіе въ словахъ (аллитерація) и риѳму, при чемъ подъ риѳму они подгоняютъ слова не только въ концѣ, но часто и въ началѣ стиха. Изъ любви къ риѳмѣ и созвучію они часто жертвуютъ и смысломъ пѣсни, и связностью построенія.

Священникъ *К. Прокопьевъ.*